

Администрация сельского поселения Павло-Слободское

ДЕТИ ВОЙНЫ

*Сборник рассказов
Том второй*

Администрация сельского поселения Павло-Слободское

ДЕТИ ВОЙНЫ

*Сборник рассказов
Том второй*

*Павловская Слобода
2014 год*

**Издание подготовлено и выпущено при поддержке
Главы и депутатов сельского поселения Павло-Слободское**

Авторский коллектив:

*Ольга Маркусь, Александр Гольцев, Сергей Мамаев,
под общим руководством Елены Александровны Комоловой*

Составитель и редактор: Сергей Мамаев

Подбор фотографий: Александр Гольцев

Рисунки: Егор Комолов

Дети войны. Сборник рассказов. Под ред. С. Мамаева –
Павловская Слобода, 2014. – 124 с.

В сборнике собраны воспоминания особенного поколения людей, у которых война украла детство. В военные и послевоенные годы детям очень быстро пришлось стать взрослыми: их воспитали голод и непосильный труд. Посвящается современным детям, которые даже не представляют, что пережили они, дети войны.

© Администрация сельского поселения Павло-Слободское
© Сергей Юрьевич Мамаев (текст, оформление), 2014

Дизайн и верстка: Сергей Мамаев

Тираж: 300 экз.

Отпечатано в типографии АОЗТ Фирма «Русские»

Московская область, г. Истра, ул. Адасько, д. 2.

Телефон: (49631) 5-00-76

Ваши отзывы отправляйте по адресу: 143581, Московская область,
Истринский район, с. Павловская Слобода, ул. Октябрьская, д. 5.
Телефон: (498) 319-94-09. E-mail: mp-sloboda@mail.ru

* * *

В пилотке мальчик босоногий
С худым заплечным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.

Горбушка хлеба, две картошки –
Всему суровый вес и счет.
И, как большой, с ладони крошки
С великой бережностью – в рот.

Стремглав попутные машины
Пронесут пыльные борта.
Глядит, задумался мужчина.
– Сынок, должно быть сирота?

И на лице, в глазах, похоже, –
Досады давнишняя тень.
Любой и каждый все про то же,
И как им спрашивать не лень.

В лицо тебе серьезно глядя,
Еще он медлит рот открыть.
– Ну, сирота. – И тотчас: – Дядя,
Ты лучше дал бы докурить.

Александр Твардовский

*Юношество, погибшее на войне, —
как изъятая из года весна.
Перикл*

Когда оживают старые фотографии

Перебирая старые фотографии слободчан, мы погружаемся в события столетней давности: хор, оркестр, праздник Казанской иконы Божьей Матери, лавы, паром, старые мосты, дома и улицы... Отбираем, сортируем, подписываем. Булатовы, Косминские, Бомбусовы, Бочаровы, Филатовы – растущий каждый день список семей, внесших значительный вклад в развитие историко-краеведческого движения Павловской Слободы, находится в Музее быта и народного творчества. Десятки людей, сотни фотографий и исписанных страниц. Бесценные мгновения истории родного села жителям и гостям были представлены на фотовыставке «Слобода ретро» в дни празднования 510-летнего юбилея села Павловская Слобода. Вы держите в руках второй том сборника рассказов «Дети войны», составленный на основе воспоминаний жителей. В двух томах собраны 88 воспоминаний, а в поселении проживают сотни «детей войны». Работа по сохранению культурного наследия малой родины набирает обороты и будет продолжена.

Каждодневная суэта при заметно ускоряющемся темпе жизни с ее повышающимися запросами к себе и окружающему миру заполняет мысли, действия, душу. Нам некогда. Всегда некогда. Совершенно некогда. Некогда остановиться. Некогда обратиться к себе. К Богу. К собеседнику. Мы бежим и на ходу пытаемся кричать и услышать друг друга. И мимоходом удивляемся: куда делась теплота общения за чаем и почему из обихода исчезла кресло-качалка?..

Сегодня так мало людей, способных к беседе. Способных задавать вопросы и искренне ждать ответов на них. В первую очередь среди близких людей. Каждый пожилой человек – наполненный кладезь, а мы порой отказываемся пить из него

воду. Мы обособляемся, начинаем продуцировать только себя, забывая связывать себя с другими, с младшими, со старшими. Иногда это удается. И тогда появляются такие книги, как эта. Благодаря людям, которые задают вопросы.

Каждое произнесенное собеседником слово встает перед глазами, как на экране. И память начинает открывать свои бездонные кладовые, куда были сложены пережитые события с их положительными и отрицательными эмоциями. Современный опыт постоянно изменяется, дополняется, и вся эта ежедневная путаница, перебивая друг друга, не оставляет заметного следа в памяти. Просто пережитое когда-то было спрятано далеко за ненадобностью повседневного пользования и поэтому хорошо сохранилось. Вот почему пожилые люди хорошо помнят, что было когда-то, и плохо помнят современный период. И еще. Плохое вспоминается четче. Да и понятно, оно оставило более глубокий след в душе.

Традиционно на презентации экземпляры книги вручаются авторам и тем, кто поделился своими воспоминаниями. В этот раз мы не сможем исполнить обычай – всем вручить книги. В июне нынешнего года, в момент подготовки книги к печати, на 79 году ушла из жизни жительница села Рождествено Екатерина Васильевна Модина. Еще один старожил села – Роман Алексеевич Кузнецов – умер в прошлом году, но успел оставить нам воспоминания о своем детстве. Поколение людей, выигравших войну, перенесших тяготы тыла и восстановления страны после уходят, нам остается лишь попытаться успеть прикоснуться к их душе. Они ждут нас, сегодняшних детей, играющих в войну, рассказать о настоящей, чтобы в поколениях нам никогда не захотелось развязывать политический узел зубами, который не поддается языку.

*Ольга Николаевна Маркусь,
начальник сектора по социальным вопросам, культуре и спорту
Администрации сельского поселения Павло-Слободское*

«Новогодние пироги с морковью»

Жительница села Рождествено Екатерина Васильевна Модина родилась 30 ноября 1935 года. Отец ее – Василий Александрович Володин, 1906 года рождения – умер от ран в феврале 1942 года. Мать в это время была беременна и 2 апреля того же года родила дочку Марию. За несколько месяцев до этого семье Володиных

*Екатерина Васильевна
Модина*

пришлось пережить несколько дней фашистской оккупации.

В последних числах ноября 1941 года в дом постучались пятеро немецких разведчиков, расспросили о чем-то деда и ушли. А через два дня в село вошли основные немецкие части. В доме Володиных они организовали штаб, а в соседнем доме – госпиталь. Личный состав распределили по домам, выгнав оттуда местных жителей. Еще осенью дед Екатерины – Александр Кузьмич – сообразил выкопать во дворе дома землянку, в которой семье и удалось выжить. На восточной окраине участка немцы устроили окоп, стащили туда теплые вещи и вели непрерывное дежурство, так как из деревни Зеленково могли наступать наши войска. «А незадолго до оккупации, – вспоминала Екатерина Васильевна, – в небе над селом был сбит наш самолет. Раненого летчика дед и тетка подобрали, на санях под хворостом привезли в наш дом и спрятали в подполе. Летчика удалось спасти».

До оккупации в хозяйстве Володиных была корова, 50 кур, теленок, два поросенка. Александр Кузьмич по приказу немцев резал им кур, а его жена – Евдокия Андреевна – варила из остатков бульон для семьи. Дед же порой приносил в землянку

молоко. Через несколько дней началось наступление наших войск по всему фронту, и в ночь с 8 на 9 декабря фашисты бежали из Рождествена. Уходя, они подожгли и дом, в котором размещался немецкий госпиталь, со всеми находящимися в нем ранеными. Чтобы засеять колхозные поля, весной 1942 года хоронили трупы убитых зимой красноармейцев: в белых полушубках, в ушанках, в валенках. Мать Екатерины лично закрывала лица погибших советских солдат тряпками и полотенцами. Снимать одежду с наших бойцов запретили, а вот с немцев снимали обувь: не в чем было ходить. С едой тоже было непросто: старожилы помнят, как зимой пекли «ковыркушки» – лепешки из мороженой картошки.

Уже в послевоенные годы, когда мать Екатерины болела, девушке приходилось заменять ее на работе в колхозе. От голода даже пухли ноги. Тогда бригадир лично посоветовал Екатерине сшить мешочек из ткани внутри штанов и потихоньку воровать из колхоза зерно. Из этого зерна, добавляя лебеду, варили похлебку. Валенки в семье Володиных были одни на всю семью, дети в школу ходили по очереди. Сами себе из старых обоев делали тетради, из найденных остатков ткани шили сумки. В школе один учебник давали на десять человек. Екатерина Васильевна вспоминала, как однажды праздновали в школе новый год: «Это было в 4 классе. В школу привезли настоящую елку, а снежинки мы сами делали из марли. В подарок нам родители испекли из полученной в колхозе ржаной муки новогодние пироги с морковью».

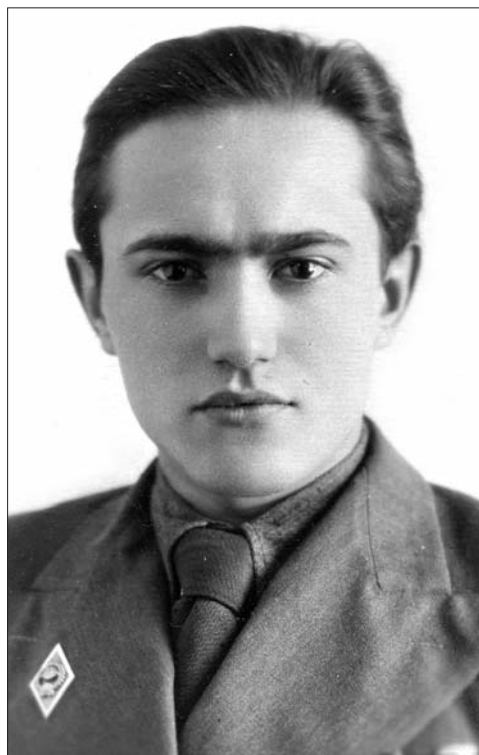
*Сергей Юрьевич Мамаев,
руководитель музея «Усадьба Рождествено»*

«Дети войны – деды мира»

Суровые, тяжкие времена Великой Отечественной войны до сих пор не стираются в народной памяти. Из уст в уста передаются в семьях воспоминания о погибших на фронте родственниках, близких дорогих людях. Их имена стали символом невыносимых испытаний, выпавших на долю наших соотечественников. Всех достало тогда лихолетье войны, но особенно страдали дети. Мало того, что война лишила их самой счастливой поры в жизни – детства, так на них обрушилось еще и такое неотвратимое бедствие, как сиротство. Но время лечит раны. Пришла эпоха созидания, мирного труда. Достойное место в ней заняли и «дети войны». Впрочем, достигшие почтенного возраста и снискавшие высокие заслуги в обществе, они ныне в почете не только как наследные «дети войны», но уже и как добрые «деды мира».

*Вениамин Андреевич
Бармин*

Нашу семью в Павловской Слободе частенько навещают родственники с Урала, Сибири, Поволжья. Вот только из Пензы мой папа, Вениамин Андреевич Бармин, давно у нас уже не бывал. Причина, правда, весьма и весьма уважительная: на девятом десятке лет жизни настигла его инвалидность. Врачи определили I группу: колясочник он теперь, дальние поездки ему затруднительны. А уж ему довелось знать не понаслышке и прошлую, и настоящую жизнь. Родом отец с Алтая, коренной сибиряк. В войну, по причинам малого возраста и территориальной отдаленности своего места жительства от районов боевых действий, ему напрямую, слава Богу, не слышны были ни завывания в небе свистящих снаря-

дов, ни иезуитские окрики фашистских оккупантов. Начало войны он встретил погонщиком табунов лошадей: под приглядом двух стариков гонял с мальчишками табуны из Монголии в Бийск, где их загружали в эшелоны и отправляли на фронт. Именовалось это «Подарком Чойбалсана» – легендарного правителя монголов в те времена. Стараюсь всегда с подробностями запоминать его рассказы о том времени. Вот один из них под названием «Трое в одном тулупе», текст воспроизведу с сохранением отцовской лексики того времени.

...Зимний день 1942 года. На дворе лютый мороз, градусов под сорок. В нашу деревенскую избу, даже когда входная дверь в нее открывается из теплых сеней, все равно врываются такие густые клубы пара, что не сразу разглядишь, кто вошел. Но Алексея Николаевича Генерозова грешно не узнать – очень уж колоритная фигура: мужчина высокого роста, сажень в плечах. Легко, на вытянутых руках, занес он в избу большой узел и опустил его посреди комнаты. «Ну, вот мы и дома», – сказал тихо, с глубоким вздохом и торопливо развязал свою ношу. На театральных подмостках такие сцены называются немymi. Шоковое потрясение испытали все, когда на их глазах был развязан узел в упаковке из овчинного тулупа: оттуда, один за другим, повыскакивали трое полуголых, ревущих ребятшек. Первой, конечно, к ним метнулась Валя, хозяйка дома, жена Алексея Николаевича, моя родная тетя. Надо было видеть, какой переполох охватил и всех остальных домочадцев. Откуда-то вдруг стала даже известна фамилия детей – Кутузовы. В тот момент действительно нельзя было не проникнуться глубоким человеческим состраданием: спасти этих несчастных детей, к тому же еще и наследников такой героической фамилии.

По скороговорным фразам Алексея Николаевича постепенно прояснились обстоятельства его появления в доме с тремя детьми, увязанными в тулупе с его плеч. Возвращался домой из райцентра знакомой столбовой дорогой. Вез зарплату учителям – так это было заведено в школе и входило в

обязанность директора. В одном из сел преградили путь женщины, цепочкой выстроившиеся поперек дороги. Донеслись возбужденные их голоса, показались разгневанные лица. Ясно стало, что дальше ехать уже не придется. Наперебой, все разом, говорили они встретившемуся им проезжему мужчине: «В этом доме умерла мать троих детей, вчера ее похоронили. Отец на фронте погиб: похоронку давно уже принесли. До этого мы разбирали осиротевших детей по своим домам. Теперь уже стало совсем невмоготу. Ты, видать, какой-то начальник, конь у тебя, в кошовке едешь, справный тулуп на тебе. Так вот, мил человек, хочешь – не хочешь, можешь – не можешь, а сирот этих забирай и вези куда знаешь... Если уж у тебя совсем нет ни стыда, ни совести – выбрось их в сугроб за околицей, только чтоб не на наших глазах, чтоб мы никогда об этом ничего не знали и не ведали».

...На этом я прерываю отцовские воспоминания о мытарствах сирот в военное время, но делаю это с неудержимым желанием скорее заявить, а ведь Кутузовых-то действительно спасли! И не только их. Хотя именно они, Кутузовы, «трое в одном тулупе», доставленные Алексеем Николаевичем в свою семью, стали затем первыми поселенцами в детском доме, созданию которого положила начало семья Генерозовых. В этой семье жил и мой отец. У него мама умерла незадолго до начала войны и старшая его сестра Валя, тоже работавшая учительницей, заменила ее будущему «деду мира». Алексей Николаевич Генерозов для подобранных по дороге детей не стал искать детдом, а привез их домой. Кто знает, может здесь и прошло бы все их детство, но тогда была война. Как только разнеслась в округе молва о том, что в селе Енисейское Марушинского (ныне Бийского) района Алтайского края можно приютить осиротевших детей – дня не проходило, чтобы к Генерозовым не привозили сирот. Потому и начали здесь спешно, всем миром, создавать детский дом, которой приютил сотни «детей войны».

В селе Енисейское не так давно открыли музей, окрестив его «Живая память». В его экспозиции свое достойное место

занял детдом с развернутым показом его трудного зарождения и практики многолетнего воспитания сирот. По нашей просьбе руководитель музея Антонина Васильевна Гусева сообщила: «К концу 1942 года в детдом, обосновавшийся в классных комнатах школы колхозной молодежи, свезено было уже 75 детей-сирот. Привозили отовсюду – грязных, вшивых, голодных. И в детдоме тогда еще не было условий, даже самых элементарных: спали на полу, на соломенных подстилках. Позже, правда, уже сами дети и воспитатели начали сооружать нары, топчаны – нужда заставила».

Первым директором детского дома стал, конечно же, Алексей Николаевич Генерозов – педагог-профессионал с высшим образованием, он сумел преодолеть все трудности и препятствия, с нуля создал в разгар войны приют для осиротевших детей. Проявился у него тогда и еще один неудержимый порыв: он трижды, не по повесткам, а по собственной инициативе проходил медицинские комиссии с целью получить направление на фронт. Но каждый раз его браковали: пять процентов зрения у него оставалось к тому времени – остальное забрали болезни глаз. Это тоже побуждало его самым активным образом действовать на трудовом фронте – спасти подрастающее поколение. Таких людей величали тогда «Патриотами Родины».

Пора приостановленные записи воспоминаний отца, сделанные им в статусе «дети войны» продолжить, но только уже в другой временной категории – «деды мира». Сразу после окончания войны, получив в Енисейской средней школе «аттестат зрелости», он продолжил учебу на факультете журналистики Уральского госуниверситета в Свердловске. С высшим образованием по распределению был направлен на работу в средствах массовой информации города Пенза. Как давно это было! Перелистал на днях его трудовую книжку – сорок восемь лет непрерывного трудового стажа.

Вениамин Андреевич Бармин – один из основоположников пензенского телевидения. Такое резюме в «Пензенской персо-

налии» сделано по истечении четверти века его работы в должности председателя областного Комитета по телевидению и радиовещанию. Это был период становления и расцвета телевидения в Пензе: снимались документальные и игровые фильмы, ставились телеспектакли, выходило множество авторских программ. Все эти годы отец не оставлял и творчество – писал сценарии документальных фильмов, готовил цикловые авторские программы. А до этого 15 лет были отданы журналистской работе в областных газетах «Пензенская правда» и «Молодой ленинец». В этих редакциях он практически овладел всеми жанрами газетной журналистики, искусством формирования публицистической направленности и типографского оформления газетных полос. Вениамин Андреевич награжден орденом Трудового Красного Знамени, Почетным знаком Губернатора Пензенской области «Во славу земли Пензенской области», он же – «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Многое было изведено моим отцом на тернистом пути его от изначального статуса «дети войны» до нынешнего рубежа «деды мира». Но сам он всегда с каким-то особым волнением и достоинством отмечал период своей работы над многотомным изданием книги «Память. Пензенская область» – составной части «Всероссийской Книги Памяти». Увековечить поименно память земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны – это ли не высшее призвание каждого творческого работника, причастного к этому изданию! Иначе и быть не могло, потому что этот памятник своим землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, возвели «дети войны – деды мира».

*Андрей Вениаминович Бармин,
житель села Павловская Слобода*

Мы – дети войны

Пускай в атаку не ходили,
Не брали штурмом высоту.
С бойцами вместе пережили
Атаки эти и войну.

И пусть из пушек не стреляли
По самолетам и врагу,
Мы вместе с вами погибали
У тех высот. И на бегу...

Пускай на запад не шагали,
Не время было, не могли...
Но мы вам выжить помогали,
Мы – дети страшной той войны.

Не довелось знамена вешать
Тогда в Берлине, на Рейхстаг.
Нам имена увековечить
Велела Родина в веках.

Анна Павленко

«Мы дважды попадали в оккупацию»*

Мой отец был беженцем, вместе с семьей проживал в Турции в местности, где размещались армяне. В 1915 году он стал свидетелем геноцида армянского народа. Сначала бежал в Грецию, оттуда – в Румынию, затем – в Болгарию, а потом попал в Ростов-на-Дону, где и нашел свою «царицу Тамару». Они с мамой работали на кожевенном заводе, у папы была бронь от службы в армии. В 1929 году родилась я, на момент начала войны мне было 12 лет.

На папин завод 19 июня 1941 года из Германии прибыл состав с немецким оборудованием. Отец ушел заниматься его приемкой, с тех пор мы его долго не видели. Лишь через месяц после окончания оккупации папа вернулся, но от него мы так за всю жизнь ничего и не узнали, где он был и чем занимался. Только во время его отсутствия два раза ночью приходил какой-то дядечка, приносил нам по полмешка горелой пшеницы. В то время существование в городе было особенно тяжелым, полуголодным.

Наши войска и жители покидали город в тяжелейших условиях – переправлялись через Дон по понтонным мостам под непрерывной бомбежкой, многие тогда погибли. Дом наш находился недалеко от реки, мне запомнилась страшная картина: поднимаем головы, а из фашистских самолетов, словно макароны, со свистом сыпались бомбы. Рядом находился знаменитый завод «Ростсельмаш», его часто бомбили. Во дворе у нас располагалось общежитие мединститута. Перед эвакуацией в его подвале устроили бомбоубежище, где местные жители и спасались. Во время бомбежек вокруг летали осколки, вышибало окна и двери, было безумно страшно.

Мы дважды попадали в оккупацию. Первый раз в 1941 и второй – в 1942 году. Наши войска ушли. Госпиталь, куда я ходила помогать раненым и мыть посуду, эвакуировали.

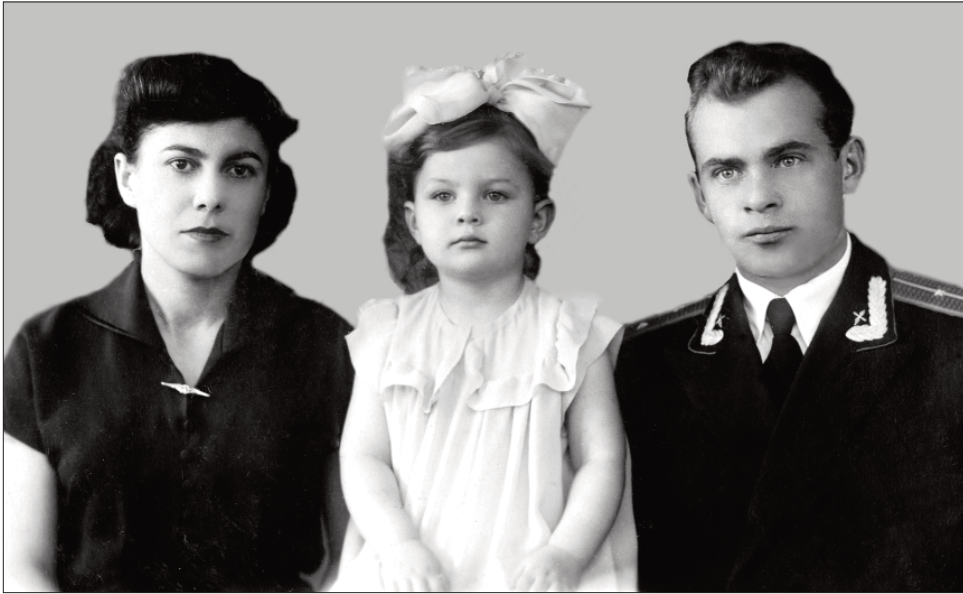
* По материалам газеты «Истринские вести». – 2014, №4. С. 31.

Помню, профессор из мединститута жил в нашем дворе, а госпиталь был неподалеку. В нем во время оккупации разместили раненых немцев. Первая оккупация продлилась недолго – немцев вышибли из города, они ушли в сторону Сталинграда, и в город вошли наши войска. Второй раз фашисты заняли Ростов осенью 1942 года, когда их разбили в Сталинграде.

Больше запомнился второй приход немцев – это были эсэсовские войска, которые оставались в городе около полугода. В нашем дворе их поместили в общежитии. Со всех окрестных деревень фашисты собирали птицу, грабя колхозников, прямо на веранде общежития ее ощипывали и готовили себе еду. В это время мы находились дома, хотя школы, надо сказать, работали. Зверства немцев в отношении гражданского населения – страшная правда войны. Когда погибал немецкий солдат или офицер, мирных жителей всегда расстреливали: были и совсем ужасные казни: людей запирали в сараях и поджигали.

Однажды разыгралась сцена, чуть не закончившаяся трагически. Один из проживавших в общежитии фашистских офицеров с какой-то одеждой в руках буквально набросился на маму и долго что-то кричал по-немецки, тыча в нее этими тряпками. Потом мы узнали, что это была случайно оставшаяся форменная одежда эвакуировавшегося политрука, который ранее проживал в общежитии. На наше счастье мимо проходила жена профессора мединститута – внучка знаменитого русского поэта Алексея Николаевича Плещеева, которая получила образование в Германии и в совершенстве владела немецким. Она спокойно объяснила офицеру, чья это одежда, и что к моей маме она не имеет никакого отношения.

В феврале 1943 года пришли наши войска. Мы в первый раз увидели на бойцах овчинные полушубки с белыми погонами. И вот тогда мы снова пошли в школу. Затем закончилась война, началась почти прежняя мирная жизнь. Родители вернулись на завод. Окончив школу, я поступила на геолого-почвенный факультет Ростовского университета, а по распределению была направлена в казахский город Павлодар в Северном Казах-

*Василий Васильевич и Зинаида Ильинична
Созанские с дочерью*

стане, где и встретила будущего мужа. Мы вырастили дочь,
двоих внуков, ждем правнуков.

*Зинаида Ильинична Созанская,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записала
Ольга Николаевна Маркусь*

«Появилась мечта – стать военным!»*

Василий Васильевич Созанский родился на территории Западной Украины в Львовской области, которая тогда входила в состав Польши. Польские власти по-разному относились к жителям, в зависимости от их национальности. Рядом были села с польским и украинским населением, украинцев заметно притесняли. В 1939 году в Западную Украину вошли советские войска. В то время Василий Созанский учился в первом классе, говорил только по-украински, на котором и преподавали в школе. И после прихода советских войск фактически пришлось учебу начинать заново с подготовительного класса – русскому ведь не учили и на нем не говорили.

Для населения, особенно для бедного, мало что изменилось, люди побогаче были недовольны, так как предстояло объединяться в колхозы. С началом войны девятилетнего мальчишку поражало обилие проходившей через село ранее не виданной им техники – танковые колонны, артиллерийские орудия. Тогда у мальчика появилась мечта – стать военным!

Вскоре фронт достиг и его родного села. Три года оккупации запомнились, прежде всего, страшным голодом. Поскольку жила семья в сельской местности, от бомбежек не страдали. Жили подножным кормом, впроголодь, родители, конечно, очень жалели детей, и, прикладывая порой немислимые усилия, все же что-то доставали на пропитание. С окончанием войны обучение в школе продолжалось уже и на русском. После школы Василий Созанский поступил в Харьковское авиационное училище связи, завершив учебу в 1953 году, служил в северном Казахстане в Павлодарском авиационном полку, прошел буквально по всем служебным ступенькам, став комсоргом полка.

В 1963 году стал обучаться в Пензенском Высшем артиллерийском училище ракетных войск. Окончил его в 1968 году и

---

* По материалам газеты «Истринские вести». – 2014, №4. С. 31.

был направлен в Одесский военный округ в город Вознесенск на артиллерийскую базу сначала начальником техотдела службы технического вооружения, затем в течение пяти лет трудился главным инженером, начальником базы. Дальнейшая служба проходила в Германии в составе западной группы войск начальником отдела службы технического вооружения.

В 1978 году Созанского направили в войсковую часть №67714 в село Павловская Слобода, где он прослужил в течение десяти лет командиром базы вплоть до своей отставки в 1988 году. Василий Васильевич 38 лет жизни отдал служению в Красной Армии. Находясь на заслуженном отдыхе, активно занимался общественной работой в местном Совете ветеранов.

*Александр Николаевич Гольцев,
методист Павло-Слободского КДК*

«Это была страшная война»

Моя прабабушка, Татьяна Николаевна Хольникова, родилась в 1926 году. Война застала ее в 15-летнем возрасте в деревне Дворяниново Ступинского района Московской области. «Это была страшная война, – вспоминала прабабушка, – но наши бойцы сражались до последнего». Юную Татьяну вместе с другими жителями деревни осенью 1941 года отправляли рыть окопы и землянки для наших солдат. Каждый день она с подругами выкапывала по несколько десятков метров окопов. Было очень тяжело и страшно, ежедневно прабабушка опасалась, что в любой момент может подорваться на mine или стать фашистской мишенью.

В 1942 году ее отправили в Рязанскую область на торфоразработки, для нахождения и применения в различных целях. Три года ей пришлось там проработать. «Однажды, – рассказывала прабабушка, – нас с подругой отправляли на очередное задание, но нам удалось сбежать. И вот, выбравшись на дорогу, мы отправились домой, что было крайне опасным, потому как нас могли обнаружить и или в плен взять, если это будут фашисты или отправить обратно на работу, если попадутся на встречу наши. Что с нами и случилось».

Шла Татьяна с подругой по дороге, вдруг остановилась грузовая машина, и русский офицер спросил их: «Откуда вы идете?» А девушки вместо того, чтобы сказать правду, соврали, решив, что так будет лучше. Ответили, что идут с зоны, где навещали своих родных. Но один из красноармейцев узнал девушек и сообщил командиру, что видел их на торфоразработках. И Татьяну с подругой, погрузив в машину, отправили обратно на завод, где ей пришлось проработать до самого конца войны. Лишь летом 1945 года она вернулась в родные края. Вот так моя прабабушка провела свое отрочество в годы войны...

*Алиса Гуренкова,
ученица 9 класса Рождественской СОШ*

«Меня в чемодане несли в землянку»

Я родилась в Павловской Слободе в январе 1941 года. Жили в старом доме, неогороженном, только следили, чтобы скотина не забредала. Папа работал на базе, у него была бронь от призыва, а затем он вместе с базой эвакуировался в Кировскую область. К осени оставшиеся в селе жители вырыли землянку, уже были слышны обстрелы, порой в село заходили немецкие

*Валентина Александровна
Занозина*

разведчики в районе больничного леса. Во время налета вражеской авиации брали большой чемодан, клали подушку, и меня в чемодане несли в землянку. Пока отец находился в эвакуации, мама ходила копать окопы, а старшая сестра в это время оставалась со мной. Однажды на огороде у себя обнаружили убитую лошадь, по ночам ходили и отпиливали замерзшее мясо, им и питались некоторое время. В 1943 году вернулся отец, вскоре его отправили на фронт. Ушел летом, а уже в ноябре пришло извещение – пропал без вести.

Когда мне исполнилось шесть лет, мама работала няней в яслях, а меня устроила в детский садик на улице Луначарского. В 1949 году я пошла в школу. Жили плохо, все время хотелось есть. Хорошо хоть в хозяйстве была коза, небольшой огород и картофельное поле – это и спасало. Еще ходили собирать траву съедобную и дикую клубнику на кладбище. В лес в деревню Славково ездили за грибами – председатель сельпо порой подвозил на машине. Потом старшая сестра устроилась на работу в артель «Славкожизделия», а все хозяйство осталось на мне. В 7-8 классе я подрабатывала в колхозе – ухаживала за цыплятами.

Игрушек у меня в детстве не было, но к празднику Перво-мая мама всегда покупала небольшой отрез и что-то из него шила мне: кофточку, юбочку или платьице. А игрушки делали из того, что находили на улице, сами придумывали несложные игры. Дети из Павловской Слободы учились во вторую смену, из деревень – в первую, так как им было дальше ходить в школу. Один раз в 16 лет была вожатой в местном пионерском лагере. Дети тогда были менее хулиганистыми, родители больше следили за ними.

По окончании 10 класса мы с подружкой поехали в Москву поступать в техникум при мясокомбинате имени Микояна. Сдали документы, поступили, но когда пришли в цех, увидели неприглядную картину, в каких условиях производят колбасы и другие мясопродукты – пропало всякое желание связываться с мясной промышленностью. Время было упущено, поступать дальше было некуда, устроилась работать в сельпо. Направили буфетчицей в восьмилетнюю школу на улице Октябрьская. Так и началась моя карьера. Затем трудилась продавцом в нескольких магазинах в Павловской Слободе. В январе 1963 года вместе с подругой пошла служить по найму в войсковую часть №67714, сначала писарем, затем в отделе кадров. Познакомилась там с будущим мужем. Дорогой войсковой части отдала пятьдесят лет, закончила работать в 2013 году.

*Валентина Александровна Занозина,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Обнаружили раненого партизана»

Я обычный беззаботный мальчишка, живущий в мирное и счастливое время. Но о войне знаю, ведь горе и беда тех лет коснулись и моих родных. Эту историю мне рассказала моя бабушка, а ей – ее мама. Звали ее Варвара, к сожалению, я никогда не знал прабабушку, потому что она рано умерла. Жили мои родственники в Украине, в селе Кейбаловка Полтавской области, что находится на правом берегу реки Удай. Когда немцы захватили территорию Полтавы, моей прабабушке Варя было всего 14 лет. Наступили страшные времена. Соседнюю деревню фашисты сожгли вместе с ее жителями. Масштабы трагедии были просто ужасны.

За два года и пять дней немецкой оккупации Полтава потеряла тысячи своих жителей. Кроме того из области вывезли на каторжные работы в Германию более 20 тысяч здоровых юношей и девушек. Так увезли в Германию и сестру моей прабабушки. А саму Варю не забрали, потому что немцы увидели шрам на ноге от ожога, а такие отбор в Германию не проходили. Так и осталась Варя со своими родителями – папой Ефимом и мамой Прасковьей – в оккупированном селе. Фашисты не считались с местными жителями: отбирали еду, обворовывали дома. И вот тогда, в это тяжелое время, в лесах по всей Полтаве стали появляться партизанские отряды, которые затем оказали большую помощь советским войскам.

Однажды родители моей прабабушки поплыли по реке Удай собирать камыш и хворост и в зарослях обнаружили раненого партизана. У него было серьезное повреждение ноги, он совсем не мог двигаться. Тогда Прасковья оторвала от своей юбки кусок ткани и перевязала его рану. Стояли уже холода, был ноябрь месяц. Чтобы раненый не замерз, мой прапрадед Ефим вместе прапрабабушкой соорудили в лесу из камыша для него шалаш. Каждый вечер, как стемнеет, они садились в лодку и плыли к раненому, привозили еду, лечили травами и мазями. Наступил декабрь, оставаться в лесу было невоз-

можно. Тогда мои родственники приняли решение перевезти тайком партизана к себе в хату. Уложили его в лодку, прикрыли хворостом и доставили, а в доме спрятали на чердаке.

Солдат пробыл у них больше двух недель. Фашисты каждый день заходили в дом и обыскивали, но на чердак чудом никогда не поднимались. Мне страшно подумать, что было бы с моими родными, если бы немцы обнаружили раненого солдата. Когда я спросил у бабушки, как они не боялись скрывать такую «находку», она ответила: «Страха не было. У всех была только одна цель – победить». Затем прапрадед Ефим повстречал в лесу целый отряд партизан и рассказал им о раненом товарище. Они уже считали его погибшим. Той же ночью солдата забрали.

Вот такая история в память о войне. Ее не сотрешь с годами. Она вечна. И я буду всегда помнить это, гордиться своими бесстрашными родными, учиться у них любви к Родине, смелости и трудолюбию.

*Никита Колчин,
ученик 4 класса Рождественской СОШ*

«Приходилось трудиться от зари до зари»

Наталья Петровна Тюрина – дочь преподавателя биологии Павловской школы Петра Сергеевича Тюрина. Мама – Зинаида Ивановна Тюрина – также преподавала в школе. Когда началась война, Наталье было 11 лет. Дедушку в 1938 году подвергли репрессиям, а до этого у деда – Сергея Семеновича – как сейчас говорят, было многопрофильное хозяйство, где основным работником был он сам. У него была своя кузница «на горе» (возле пруда, рядом с кладбищем). В период коллективизации ее отобрали, и дед стал работать простым кузнецом в образовавшемся колхозе. Кроме этого занимался сельским хозяйством: большой огород находился от улицы Калинина до улицы 3 Интернационала, его отобрали только во времена Хрущева.

*Наталья Петровна
Тюрина*

Так как в Павловской Слободе стояла артиллерийская бригада, зачастую деду приходилось запрягать «шарабанчик» и везти кого-нибудь из офицеров в Нахабино. Отец Наташи, будучи совсем молодым, возил продавать подковы в Москву. В большом новом доме жили на постое «вольнопределяющиеся». Среди жильцов однажды был живописец, который расписывал стены храма в Павловской Слободе. От него осталась картина, на которой изображен пруд и ивы, находившиеся во дворе за старой школой (улица Луначарского, дом 7). Художник сидел на крыльце и писал пруд, который засыпали в 1961 году перед постройкой школьного здания. Среди найденных на чердаке вещей сохранилась и родовая икона. Дед каждый вечер после ужина надевал валенки с калошами

и ходил в чайную. Сельчане собирались там по вечерам пить чай с наколотым сахаром и баранками. Чай наливали в стаканы, а пили из глубоких блюдец.

До революции в селе была очень продуманная система прудов. Первый пруд – возле кузниц, близ кладбища, на самом высоком месте; второй располагался чуть ниже (не сохранился); третий – возле жилого дома (улица Советская, дом 1); четвертый – позади старой школы; пятый пруд находился там, где ныне большая рыночная площадь; последний – возле столовой войсковой части. Все пруды были связаны между собой, под дорогами проложены трубы. Весной из пруда в пруд стекала вода, в конце концов, попадая в реку Истра. Пруды использовали для полива многочисленных огородов и как противопожарные водоемы. Вспоминая эту картину, Наталья Петровна прочла несколько стихотворных строк:

*В Слободе все улицы шли в гору,
А пруды – кружили хоровод.
И весной, струясь по косогору,
От пруда к пруду бежал поток.*

Рассказывая о своем детстве, Наталья Петровна вспоминала начало военного периода, тепло говорила о своих родителях, которые уберегли ее от бомбежек, так как увезли к брату отца в Костромскую область, где не было фашистов. Несмотря на то, что сверху не сыпались бомбы, и не долетали снаряды, всем детям приходилось трудиться от зари до зари на колхозных полях, независимо от возраста. Наташа получила серп, ей показали, как жать лен, и каждый день она должна была сжать свою бесконечную полоску, выполняя норму. Все работы выполнялись вручную: жатва, теребление, отбивка. Этими работами занимались девочки, а мальчики возили лен на лошадях, все взрослые женщины были на лесоповале и торфоразработках. Мама работала в школе, было относительно легче, чем большинству, так как не заботились об отоплении.

В школе ребят, которые жили за 6-7 километров, кормили жиденьким овсяным киселем и молоком с колхозной фермы.

Наталья Петровна тепло вспоминала, как однажды в поселке появился раненый на фронте солдат – артист из Ленинграда Андрей Суворов. Он много занимался со школьниками: готовил постановки и выступал со спектаклями перед колхозниками на фермах и собраниях. В Павловскую Слободу семья вернулась в конце войны. После школы Наталья окончила педагогический институт и до выхода на пенсию проработала психологом в нахабинском гарнизоне.

*Александр Николаевич Гольцев,
методист Павло-Слободского КДК*

«Здесь, в тылу, можно и потерпеть»

Сестра моей бабушки, Тамара Алексеевна Равняличева, родилась в деревне Новинки, что недалеко от Павловской Слободы, в семье крестьян-колхозников. Родители Тамары – Алексей Степанович и Нина Осиповна – воспитывали еще четверых детей: Веру, Клавдию, Евгения и Надежду. Все жили большой дружной семьей в красивом доме с резными наличниками, который стоял в начале деревни, вместе с дедом Степаном Степановичем и бабушкой Екатериной Емельяновной.

Когда началась война, Тамаре было 12 лет. Отца, как и всех мужчин из деревни, призвали в армию, в Новинках остались лишь старики, женщины да дети. Начались дни суровых испытаний, особенно непросто было с продуктами. Продуктовых карточек деревенским жителям не полагалось – считалось, что у каждой семьи есть приусадебной участок, и колхозники могут прокормить сами себя. В огороде сажали картошку, капусту, брюкву – этим и питались. Капусту засаливали в двух больших бочках: «белую» и «серую».

Дед – Степан Степанович – был уважаемым в деревне человеком: до закрытия в 1933 году Благовещенского храма в Павловской Слободе был старостой деревенской церковной общины, в которую входили крестьяне трех окрестных деревень. Поэтому, зная Степана Степановича как мудрого, честного и ответственного человека, остальные жители свели во двор Равняличевым свою скотину. Дядя Вася (старший брат отца Тамары) в то время работал в административно-хозяйственном управлении Управления делами Совета Министров СССР, и поэтому имел возможность иногда присылать в деревню продукты. Старались не унывать и трудиться, а ведь некоторые жители деревни побирались в то время.

Осенью 1941 года фронт вплотную подошел к Павловской Слободе – фашисты уже заняли Чесноково, Обушково и Юрьево – это всего в десяти километрах от Новинок. Начались частые воздушные налеты – немецкая авиация бомбила Москву

и фронтовые части. Для укрытия во время воздушных тревог жители выкопали на колхозном поле за деревней большие землянки – пока шли боевые действия, многие там и жили, опасаясь, что деревню тоже будут бомбить. Тамара хорошо помнила, как ночью они с остальными детьми смотрели из землянок в небо, перекрещенное лучами прожекторов, как попадал иногда в перекрестье ненавистный вражеский самолет, как он загорался и падал, сбитый нашими отважными зенитчиками. Тогда же в деревне расквартировали части 108-й стрелковой дивизии: в доме семьи Равняличевых разместились командиры и штаб, в остальных – рядовые бойцы.

Чтобы не мешать работе штаба и не бегать каждый раз на колхозное поле во время налетов, Тамара со старшими сестрами, матерью и дедом выкопали в огороде землянку, положив сверху один накат бревен – там и стали жить. Бои шли непрерывные. За крайними деревенскими домами находилась

*Тамара Алексеевна Равняличева
(на переднем плане справа). 1938 год*

батарея «Катюш» – реактивных минометов, и когда они начали обстреливать немецкие позиции и над крышами изб проносились в воздухе огненные ревущие «хвосты», сердце уходило в пятки от страха. В один из дней деревня вдруг стремительно опустела: всех командиров и красноармейцев подняли по тревоге ловить диверсионную группу противника. Оказалось, что немцы выбросили в тыл нашей армии парашютистов, которые приземлились в лесу между Новинками и Веледниково. Ликвидация группы прошла успешно.

Приходилось и многих хоронить. В Новинки, как в ближайшую тыловую деревню, свозили погибших в боях и умерших от ран в медсанбате солдат. Братские могилы делали в двух местах: за крайними домами, стоящими примерно посередине деревни, и в лесу возле железнодорожной станции Озерки. Потом, спустя много лет, останки бойцов торжественно перенесли и захоронили в Павловской Слободе. У кого-то даже нашли капсулы с анкетами и сообщили родным.

В военную пору дети начинали работать с 14 лет, поэтому в 1943 году Тамара начала свою трудовую деятельность. За ней был закреплен бычок Слава, она должна была его кормить, поить и пахать на нем! Всех колхозных лошадей мобилизовали в армию, ничего другого не оставалось, как пахать на быке. Но бык – он ведь не лошадь, и Славе такое занятие было не по нраву. Сначала Тамара пробовала вести его по полю за собой на узде, а за плугом стояла подруга – но Слава мычал, упирался и ни за что не хотел тянуть плуг. Тогда подростки впрягались в плуг сами и принимались пахать колхозное поле, чтобы засеять пшеницу. Поняв, что бычок в пахари не годится, бригадир определил их возить обмолоченное зерно на пункт сдачи, который находился в Нахабине. Так Тамара стала совершать почти ежедневные рейсы туда и обратно, возя пшеницу для фронта. И ведь никогда не возникало даже мысли отсыпать себе хотя бы горстку зерна и запарить потом вкусной, душистой и горячей пшеничной каши – каждый, и взрослый, и ребенок, понимали: эта пшеница нужна для фронта – а здесь, в тылу, можно и потерпеть.

Одним холодным ноябрьским днем Тамара поехала в Нахабино по проторенной тропинке, идущей вдоль озер. В одном из них, носившем название Питьево, вся деревня брала воду. Колонок и водопровода тогда и в помине не было. И у каждого было сознание, что вода эта для питья, и загрязнять ее ни в коем случае нельзя. Бык Слава, упрямо тащивший подводу с зерном, вдруг захотел напиться и свернул с дороги к озеру, но тут же подвода провалилась в глубокую лужу и увязла. Бык встал на месте, и никакие окрики не могли заставить его идти дальше. Тогда девушка спрыгнула с подводы в лужу, подошла к быку и, глядя его по морде, заговорила: «Славик, миленький, давай постарайся! Я промокла, заболела, простужусь, а зерно везти все равно надо! Ну, пожалуйста!» Бык недовольно тряхнул ушами, помотал головой, фыркнул, а затем рывком вытащил подводу из лужи и без остановки пошел дальше.

В 1942 году в семье Равняличевых случилось первое горе – умерла маленькая Галя, племянница Тамары, дочка старшей сестры Веры. Ей было всего два месяца от роду. А сама Вера умерла в январе следующего года от воспаления легких, которым заболела, когда в студенческом строительном отряде работала на постройке оборонительных сооружений. Родные были поражены этими утратами, но и они стали не последними. Клавдия, еще одна сестра Тамары, тоже была студенткой техникума, и тоже, будучи в стройотряде, простудилась и заболела воспалением легких. Она умерла в апреле того же 1943 года. Кто-то из деревенских жителей сделал гробы (тогда их было сложно достать), Степан Степанович по православной традиции сам читал ночью над умершими внучками Псалтирь. На поминальную трапезу даже испекли блины из овса. Трудное было время.

Отец Тамары – Алексей Степанович – воевал рядовым, командиром отделения в 171-м стрелковом полку 182-й стрелковой дивизии на 2-м Прибалтийском фронте. С фронта писал трогательные письма семье, переживал, утешал детей. А в апреле 1944 года Равняличевым пришло письмо от его друга. Тот писал, что Алексей Степанович погиб в бою 23 марта при

форсировании реки Великой. Отец умер на руках боевого товарища, и тот обещал в следующем письме описать обстоятельства гибели. В письмо были вложены фотографии Нины Осиповны и детей, пробитые пулей. Однако следующего письма от друга Алексея Степановича не пришло – скорее всего, он тоже погиб, защищая Родину.

В день, когда сообщили о Победе, Равняличевы красили новый забор. Весть о великом событии сразу облетела всю деревню. Люди плакали – кто от радости, а кто от того, что не могут разделить ее с уже ушедшими в иной мир родными и дорогими людьми. Но впереди была еще целая жизнь, и Тамара решили прожить ее достойно памяти отца, сестер и всех тех, кто не пожалел своей жизни в борьбе с фашистскими захватчиками. Сейчас Тамара Алексеевна – ветеран труда, пенсионер, всю жизнь трудилась на фабрике клавишных музыкальных инструментов «Заря» в поселке Правдинский Московской области. Там она и живет уже долгое время, но каждое лето всегда приезжает в Новинки – в родную деревню, где прошла ее непростая военная юность, трудовая и сложная, но все равно счастливая.

*Роман Сергеевич Чикин,
житель города Москва*

«Из самолетов расстреливали людей»

Когда началась война, мне было 7 лет. Все уехали, как тогда говорили, «за Дон», а мы остались в родном селе Красное Уколовского района Воронежской области. Затем мама погрузила свой скарб, взяла с собой корову, и мы поехали по дороге на Острогорск Воронежской (ныне Белгородской) области. Две лошади были запряжены, а три бежали за нами следом. Большой поток беженцев, гражданских и военных направлялся в сторону Дона. Началась бомбежка, из самолетов расстреливали людей.

Доехали до хутора Новый путь, в котором жила моя тетья с пятью детьми. Остановились передохнуть у нее. Только уселись за стол вокруг миски с приготовленной окрошкой, за окном раздался сильный взрыв, посыпались стекла. Выбежали и увидели, что зажигательный снаряд попал в сарай с нашими лошадьми и скарбом – все сгорело, лошади разбежались. Оставшееся перенесли в погреб, особенно ценным была швейная машинка «Зингер» – мама зарабатывала на хлеб шитьем. Решили остаться ночевать. Утром встали, а по дороге уже катят мотоциклы с колясками, а в них холеные, веселые фашисты.

Мама сразу свои документы сожгла в печи, она же жена политрука, офицера. Да и тетья очень рисковала, приняв нас к себе. Когда основная масса немцев прошла через хутор в сторону Сталинграда, пошли разношерстные бригады: и поляки, и итальянцы. Эти только ночевали в доме. А мы все очень боялись, что придут отряды СС. Они, по слухам, никого не щадили. Однажды во время еды снова начались взрывы, тетья

*Юлия Ивановна
Степанова*

перевела нас из сеней в погреб, а когда все закончилось, мы вышли из подпола, в сенях лежала не взорвавшаяся бомба. Вот так нам повезло.

Еще все время я наблюдала за немцами. Один раз видела, как они с голоду ели сырое мясо убитых коней. Когда немцев погнали обратно на запад, они были совсем плохие, все помороженные. Одежду снимали со своих же убитых товарищей, оставляли их трупы голыми на дороге. Со дня на день мы ждали наших бойцов. В один день услышали стук в дверь: обрадовались, думали наши, а это немцы-мародеры. У них груженные подводы со всяким скарбом. Переночевали, а утром следующего дня в деревню уже въехали танки со звездами. Немцы дали деру, но их всех поймали. Вот так 18 января 1943 года нас освободили.

Летом того же года пришлось хоронить трупы, мальчишки вилами грузили их. Запах стоял невыносимый, ничего не спасало. Затем решили вернуться в районный центр, там я пошла в школу. Писали чернилами из сажи, кто на газетах старых, кто на дощечках. Мама устроилась работать в библиотеку. Когда пришла весть о победе, ликование было повсеместное. Из армии вернулся отец, его назначили председателем колхоза. В 1947 году начался голод и засуха, мы переехали на Кубань. После школы я поступила в Тимирязевский институт, окончила его. Затем родила двух дочерей, уже и внуки давно есть.

*Юлия Ивановна Степанова,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Мы не знали, что такое игрушки»*

Я родилась в 1938 году в городе Тушино (ныне район Москвы), сейчас живу в Павловской Слободе. Перед войной отец трудился на авиационном заводе имени Сталина, и когда началась Великая Отечественная, завод эвакуировали в Иркутск. Мне было два с половиной года, но я все отчетливо помню. Отец – Александр Дмитриевич – забрал с собой всю семью, мы долго-долго ехали. Теплушка наша не отправлялась, пока немцев не отогнали от Москвы: нас посадили в поезд в ноябре, а отправились в путь в декабре. Фактически люди месяц жили в вагонах. Мама – Анна Константиновна – говорила, что надо вернуться, но из теплушек никого не выпускали. Так мы оказались в Иркутске.

Нас поселили в бараки, где было много соседей. Семья наша тоже была большая: папа, мама, я, сестры и родители отца. Отца с матерью поместили в один барак, а нас – в другой. Папу дома я вообще не видела, он постоянно находился на работе. Отдыхал он мало: два часа полежит, и снова на работу. Уже там в нашей семье родилось еще двое детей: Витя и Женя. Когда мне было три с половиной, мама была вынуждена оставлять брата со мной. Я его качаю, качаю, а он плачет – есть хочет. Я устала качать, легла на кровать и стала толкать колыбель ногой. И она перевернулась. Маленький плачет, я плачу! Прибежали соседи, нас успокоили, но очень мне жалко было, что я брата уронила.

*Нина Александровна
Леягина*

---

* По материалам газеты «Истринские вести». – 2014, №11. С. 5.

После приезда у нас была только одна корзинка с немногими вещами, ведь нам обещали ненадолго. Ни надеть нечего, ни обувь, а приехали в разгар зимы. Бараки стояли на окраине тайги, место называлось «Авиационный городок». Неподалеку был мост через Ангару. Оказалось, в этих бараках раньше жили заключенные. Маму я тоже видела редко, она старалась достать еду. Помню, как сутки не ела, ничего не было. Вот это мне запомнилось невыносимо как! А мама меня все уговаривала: «Сейчас папа придет, хлебушка тебе принесет». Я по улице хожу, жду папу. Идет, и ничего у него нет. А мы совсем изголодавшиеся были. Я заплакала. Отец спросил у матери, почему я плачу, а та ответила, что я сутки не ела и ждала его с хлебом. А еще как-то раз мы с мамой разделили хлеб, всем поровну. Свой съели и стали потихоньку отрезать от папиного. И все съели. Мама заплакала, и я вместе с ней. Отец приходит, спрашивает: «Чего опять плачете?» А мы говорим, что съели его хлеб. Папа сказал: «Ну и ладно», и выпил только кружку воды.

Отапливать дом было нечем. Мужчины ходили добывать уголь на шахту. Отдыхали мало, всего несколько часов проводили дома. Детская память запечатлела, как удивительно блестел уголь – антрацит, как топили печку докрасна, а в углах комнаты лежал снег. Было холодно, из-за отсутствия обуви дети зимой на улицу совсем не выходили. Отец, получив новые рукавицы, отдавал их маме, а та шила из них одежду.

Потом семью нашу переселили в другой барак, на горе, куда вела мощеная дорога, «как на Красной площади», говорили. Воду давали по часам, а в доме было всего одно ведро. Наберешь это ведро, а дальше, как хочешь – все равно наливать не во что. Иногда мать вместо хлеба получала рыбу. Благо, река рядом. Рыбу давали хорошую: кету, омуль. Однажды мы наелись рыбы, все пить хотим. Так всю воду и выпили. Среди ночи отец взял ведро и пошел за водой: спать ему было некогда.

Сейчас внуки спрашивают, какие у меня были куклы, а я отвечаю: «Никаких». Мы не знали, что такое игрушки. Хотя мама моя упоминала, что в Тушине до войны у меня была

кукла, но с собой мы ее тогда не взяли, а больше ничего и не было, ни у меня, ни у братьев.

В Москву без вызова вернуться не могли. Моя Бабушка – Анна Алексеевна Мачулина – дала вызов только после окончания войны, и 1 апреля 1946 года семья вернулась домой. К этому времени папа имел право на отпуск, но не смог оставить свою сестру одну и сказал, что приедет в июне. Тут пришла новость: завод остается в Иркутске, обратно в Москву возвращать не будут и работников. Личные документы не отдали, пообещав жилье. Но глава семейства, к тому времени награжденный орденом Трудового Красного Знамени, в Москву приехал без документов и обратно не вернулся.

Жили мы у бабушки в деревне Лобаново. Недолгое время отец поработал на базе №38 трактористом и преждевременно скончался от скоротечного сахарного диабета в неполные 35 лет. Мама, оставшись в 29 лет вдовой, тянула троих ребятишек. Работала на той же базе в Павловской Слободе. А мы, дети, помогали бабушке в огороде, который нас и кормил. Деда – Константина Филипповича Мачулина – в 1937 году арестовали как врага народа. И только в конце 1975 года семья узнала, что его увезли в Уссурийский край, где он год спустя умер.

По окончании 7 класса я устроилась на работу в войсковую часть, но продолжала заниматься в вечерней школе, окончила 10 классов. Как передовую комсомолку меня направили работать в построенный детский сад. Вскоре поступила на вечернее отделение педучилища, продолжала работать в саду, где спустя двадцать лет завершила работу в должности заведующей. Далее восемь лет отдала деткам начальной школы. У меня трое детей и трое внуков.

*Нина Александровна Лелягина,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записала
Ольга Николаевна Маркусь*

О войне

Когда Германия на нас напала,
Четыре года было мне тогда.
В ту пору я еще не понимала,
Что страшная нагрянула беда.

Но помню я отчетливо бомбежки,
Немецких самолетов страшный вой.
Как мы в укрытие бежали по дорожке.
И думали, вернемся ли домой.

Я помню, как сирены завывали,
Как шли солдаты на смертельный бой.
А мы посреди улицы стояли,
Смотря на свет пожарищ за рекой.

Рвались снаряды, танки грохотали.
Земля горела под ногами у солдат,
А мы в окопчике, дрожа, лежали,
И мать к себе нас прижимала, как котят.

Как мирно до войны мы поживали!
Всем война нарушила покой.
Я помню, как отца мы провожали,
Молили Бога, чтоб вернулся он живой.

И сколько ж наши люди пережили!
И сколько им пришлось страдать, терпеть!
А вот за то, что с нами сотворили,
Фашистов надо бы с лица земли стереть.

Надежда Самохвалова

«Бегали по ночам в бомбоубежище»

Любовь Федоровна Шаронова родилась в 1932 году в Павловской Слободе. Мать – Клавдия Федоровна – вышла замуж в голодном 1931 году и переехала в большую семью Горчили-

*Любовь Федоровна
Шаронова*

ных в дом на улице Калинина. Отец Любы был родом из Тамбовской области, затем служил в пожарной команде артиллерийского склада и остался здесь работать до конца жизни водителем. Крестили девочку в еще действующем Благовещенском храме.

Детство Любы прошло на улице. Вместе со сверстниками она обследовала все село и его окрестности. Часто бегали по парку. Он был хорошо ухожен, огорожен деревянным забором, в нем были красивые аллеи, летний театр, играл оркестр и продавали мороженое, но вход

был платный. Однако для детишек всегда находился и бесплатный лаз. На месте сегодняшнего футбольного поля стоял столб с веревкой. Его называли «гиганты» или «гигантские шаги», рядом – спортивная площадка. На месте нынешней школы располагались конюшни. Там тоже постоянно бывала местная ребятня. А недалеко от конюшен – овощехранилище, с крыши которого дети любили кататься.

Любовь Федоровна помнит, как в 1940 году взрывали колокольню Благовещенской церкви: «Жителей близлежащих домов заставили проклеить окна бумажными полосками. К церкви подвезли взрывчатку на автомобилях артиллерийской базы. Тогда же ломали и увозили в металлолом церковную ограду. Хорошо запомнилось огромное количество народа и огромные груды битого кирпича и кирпичная пыль».

Когда началась война, Люба окончила 1 класс. За несколько месяцев до этого умерла ее бабушка. Сначала девочка не до конца понимала, почему вокруг все плакали. «С началом войны, – вспоминала Любовь Федоровна, – в магазинах быстро раскупили все продукты, нашей семье ничего не досталось. Дома тоже не было никакого запаса. В Павловской Слободе появилось много солдат, а через село и деревянный мост через Истру потянулись беженцы, гнали скот, проходила военная техника. Все лето от бомбежек бегали по ночам в убежище». Бомбоубежищем местные жители называли большую яму, выкопанную на улице Стадион (где ныне аптека). По ночам сельчане, сидя в этой яме, где не было ни стен, ни крыши, смотрели и комментировали разыгрывающиеся в небе в свете прожекторов воздушные бои немецких бомбардировщиков и наших истребителей.

*Александр Николаевич Гольцев,
методист Павло-Слободского КДК*

«Война и голод не щадили никого»

Мой дедушка – Михаил Васильевич Смелов – родился в 1942 году и проживал в деревне Межуйки Борского района Горьковской области. Когда началась война, отец его – Василий Егорович – работал кузнецом (ковал цепи) на заводе «Красный якорь» в городе Горький (ныне Нижний Новгород). Брат Володя и сестры Валя и Катя, которые на тот момент были совершеннолетними, устроились на тот же завод. Они подтаскивали цепи и выполняли посильную работу. Те, кто работал на заводе, получал карточки на питание, а кто жил в деревне, кормились со своего огорода. Как рассказывала мама, чтобы хоть как-то питаться, пришлось выхлопотать на двух дочек (Зоя и Фая) паспорта, чтобы они тоже смогли пойти работать на завод и получать продуктовые карточки.

Остальные дети (Коля и мой дед Миша) с весны до поздней осени помогали маме в огороде. Сажали, в основном, картошку, она и спасала круглый год. Иногда мама уходила за 20 километров в другую деревню, чтобы что-то добыть или обменять на продовольствие. Дедушка рассказывал, что оставались они одни со старшим братом Николаем, которому на тот момент было 5 лет. Мать иногда возвращалась только через пару суток, а все это время брат его кормил и заботился о нем в свои еще совсем, казалось, не смышленные годы.

Самое голодное время было зимой. Начиная с поздней осени, бегали на поля и собирали оставшуюся гнилую картошку, делали из нее лепешки. Хлеб выпекали из лебеды, торфа и хвоща. Похлебку варили из крапивы. С дровами тоже было тяжело, рубить деревья в лесу запрещали. Приходилось ходить вдоль леса и собирать упавшие, поломанные ветки. Дома утепляли скошенной осокой, ею затыкали щели. Во время войны и долгое время после нее часть продукции в колхозах и личных хозяйствах изымалась в пользу государства.

Так как семья была большая, от завода отцу дали комнату в 14 квадратных метров на 9 человек. Зимой, когда работы в де-

ревне не было, семья жила в городе. Однажды во время бомбежки (немцы пытались уничтожить завод) семья дедушки и другие семьи, проживающие в их доме, прятались в коридоре, где не было окон. К счастью, люди не пострадали, да и заводские цеха остались целы.

Семья Смеловых. 1949 год

ские цеха остались целы.

В 1946 году у папы родилась еще одна сестренка (Лиля), теперь семья состояла из 10 человек. Я просто удивляюсь людям того времени, они создавали большие и сплоченные семьи, трудились все вместе, им жилось дружно. Но все же за время войны в семье дедушки погибли четверо детей от голода. То есть так бы было 14 человек в семье, из них 12 детей. Война и голод не щадили никого. После войны казалось, что это конец

голодовке и детским мучениям. Но, к сожалению, сносно жить в деревне начали лишь с 1953 года.

Меня очень растрогал и заинтересовал рассказ дедушки, мы даже представить себе не можем это время, наши прадеды сделали все, чтобы мы могли жить и любить этот мир. Я очень надеюсь, что наши деды, отцы и мы сами в дальнейшем не допустим больше воин на нашей земле. Ведь каждому хочется жить и наслаждаться мирным небом над головой.

*Никита Мернов,
ученик 3 класса Рождественской СОШ*

«Упал и не смог идти дальше»

Родилась я в 1935 году в деревне Покровское. Когда началась война, отец ушел на фронт. Бабушка с дедушкой жили в Аносине, но однажды бомба попала в трубу их дома, и они вынуждены были переехать к дочери. В декабре 1941 года немцы заняли деревню. Они выгнали всех местных жителей на улицу, отобрали теплые вещи и даже детские пеленки (у мамы был грудной ребенок). Жители спасались от обстрелов и бомбежек в окопах. В одну из ночей нам пришлось уйти из деревни. Я забыла в окопе варежки, мороз был очень сильный, обморозила руки. Дошли до Красного поселка, дедушка упал и не смог идти дальше. Потом, когда немцев отогнали, и снег растаял, мама нашла его и похоронила возле дома. Фашисты, отступая, сжигали деревни, и наш дом тоже сгорел.

В конце концов, захватчики всех согнали в деревне Славково в колхозную конюшню, где мы находились около пяти дней. Потом пришла сибирская дивизия и нас освободила. В Покровском все дома были сожжены. Младенца надо было спасать, и мы лесом дошли до Лобанова, где находились наши солдаты. Они обтерли малыша спиртом, завернули его в свои портянки. Свой дом мы смогли восстановить только через десять лет. В это время жили по квартирам. Потом колхоз помог построить стены нового дома, мама брала ссуду и достраивала пол, крышу и все остальное. Брат выучился, работал главным управляющим, другой брат трудился в колхозе шофером, а мама – дояркой. Было, как и у всех, свое хозяйство. Работы хватало. Училась я в Обушковской семи-

*Галина Ивановна
Круглова*

летней школе. Затем в 1958 году вышла замуж и переехала к мужу в Павловскую Слободу. Родила двоих детей. Дочка с 1959 года живет в Польше, сын – в Истре.

Детская жизнь состояла не только из лишений. Дети веселились, играли: и в лапту, и в городки. Часто бегали в лес собирать землянику, орехи, малину, грибы. Не унывали, народ был очень дружный. Жили плохо, но одинаково плохо. Не было почвы для зависти. Даже мой сосед – председатель колхоза Тимофей Иванович Барышев – был хоть и богаче, но вел себя скромно, его семья мало от нас отличалась. Знались и дружили со своими родственниками, даже дальними. Перед войной вблизи деревни находилась войсковая часть. У нас была корова и другая живность, и мама давала военным продукты – молоко, творог. В благодарность за это они нам выкопали большой погреб для продуктов. Когда мы весной вернулись домой после отступления фашистов, погреб оказался не разграбленным. Это и помогло нам выжить в тяжелые годы. Руки мои были отморожены, уже начали гнить. И мы ездили к тете в село Алексеевское (возле Рижского вокзала) лечить их.

*Галина Ивановна Круглова,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Огуречный вкус камыша»*

Я родился в Москве. Отец – Федор Лукьянович – работал инструментальщиком на заводе имени Сталина (после его переименовали в завод имени Лихачева – ЗИЛ). Началась война,

*Вячеслав Федорович
Кашлев*

завод эвакуировали на Урал. Отец неоднократно писал заявления, чтобы его отправили на фронт: хотел отомстить за деда Лукьяна Васильевича, погибшего в первую мировую войну. Но его, как высококлассного специалиста, оставили на заводе, у него в подчинении были пленные и заключенные. Мама – Наталья Ивановна – каждый день, провожая отца на работу, молилась, чтобы он живой и невредимый вернулся домой.

В 1947 году переехали в Нахабино. Хорошо помню постоянное полуголодное состояние. На ведро воды мама сыпала стакан овсянки – это был суп. Хлеб, как сейчас, на помойке не валялся. Нас было пятеро детей. Мать умудрялась без всяких весов поделить между нами ту часть хлеба, которая была предназначена на обед с такой точностью, что можно было этими кусочками проверять аптекарские весы. Мы у нее спрашивали, как она так ровно умудряется поделить? Она на это протягивала руку и говорила: «Вот обрежь любой палец, одинаково будет больно. Вот и вы у меня как эти пальцы. Кого можно обидеть?» Потом она нам по маленькому кусочку добавляла. Мы позже узнали, что она нам свою долю отдавала. И никогда, наверное, невозможно до конца оценить заботу и любовь матери к детям. Часто утром рано мы все, ре-

---

* По материалам газеты «Истринские вести». – 2014, №63. С. 29.

бята со двора, бежали в магазин еще задолго до открытия заниматься очередь за хлебом. А какой был запах этого хлеба!

Хуже, конечно, ощущался голод зимой. Летом же было проще: разная трава, грибы, ягоды. Ранней весной мы любили ходить на болото. Ах, этот огуречный вкус камыша: вытащишь камыш с корнями, откусишь белую сочную его часть, по вкусу и запаху ничуть не отличишь от огурца. Ели щавель, стебли бело-цветущей травы, которую мы называли «тютюшкой». Еще горчица входила в наш рацион, эта трава растет на лугах и в раннем возрасте очень вкусная.

Жили в заводском бараке, рядом были еще два. И в каждом доме семей по десять, в каждой семье дети, да не по одному. О бараках особо надо сказать. Это каркасная конструкция, обшитая досками изнутри и снаружи, а между ними засыпан шлак с опилками, которые наполовину высыпались. Зимой, прежде чем лечь спать, соскребали изнутри иней (снег), и так каждый день. А весной, в половодье, вода затопляла пол в коридоре. Там прокладывали кирпичи, и на них доски, чтобы пройти до комнаты. В комнате полы были подняты и настелены вторые, но под полом тоже стояла вода.

Все равно мы, дети, находили во всем радость. Летом часто ходили в лес. Сейчас в этом лесу дачи – между Исаково и Нахабино. Любили кататься на березах в лесу: несколько человек наклоняли березку молодую, но уже крепкую. Потом один цеплялся за макушку, остальные ее отпускали. И ты взмывал вверх! Бывало, иногда и падали. Помню однажды Толя, который был на три года старше нас, восьмилеток, полненький мальчик, ухватился за макушку, мы отпустили, она немного выпрямилась и обломилась, а он подвернул ногу. И нам пришлось тащить его до дома, а это километра три.

В этом же лесу играли на немецких танках: там стояли три подбитых «Тигра» с разбитыми гусеницами и поломанным всем, что можно было сломать. Вскоре их забрали, мы стали искать себе новое развлечение. Играли в футбол, в лапту, катали крюками колеса, делали самокаты. Зимой ходили на

стоящую в лесу на поляне вышку. На ней было четыре площадки: первая метрах в десяти от земли, и с нее мы прыгали в снег, его тогда зимой много было. В снег уходили больше чем по грудь. Первый раз было, конечно, страшно. Но друг перед другом не хотелось выглядеть трусом, прыгали все.

Тогда дороги не посыпали песком, а машинам просто надевали на колеса цепи. И мы по дороге катались на санках, на коньках и «дрынках» – это согнутое из трубы или толстого прутка приспособление с двумя полозьями и ручкой для рук. Во дворе у нас была одна пара коньков, «снегурки», так мы их наворачивали на валенки. И только по одному коньку чтобы больше ребят покаталось. Лыжи были в школе, так что на физкультуре ходили на казенных лыжах. Свои были мало у кого, да и на тех катались по очереди, в основном с горок. На месте ныне существующей улицы Парковой в Нахабине был большой карьер, там и катались с горы.

С весны, как только сойдет снег, и до осени бегали босиком. Любили после дождя бегать по лугам. Мягкая трава, теплая вода так и ласкали ноги. Как у всех ребят, были и драки у нас. Но в них неукоснительно соблюдались неписанные законы: семеро одного не бьют, лежачего не бьют, драка только до первой крови. Нарушившие эти каноны, могли быть наказаны своими же товарищами.

В конце улицы Панфилова стояла войсковая часть. Туда ходили в кино. Командование не разрешало, но солдаты нас пускали, и мы размещались на сцене, за экраном. Фильмы крутили по частям. Когда заканчивалась часть, включали свет, перематывали пленку, а мы как тараканы расползались по тайным углам, чтобы нас не увидели и не выгнали. Клуб был на втором этаже, там же библиотека, на первом – тот самый магазин, куда ходили за хлебом. Библиотекаря, приятную старушку, звали Ольга. Так вот она, прежде чем поменять книгу, спрашивала нас, о чем мы прочитали, что нам понравилось. Тогда это нам не очень нравилось, но сейчас осознаю, какую пользу нам приносило ее занудство.

Однажды мы все собрались в кино. Билет стоил один рубль, но даже его у мамы не оказалось. И я, расстроившись, еле шел по тропинке, сшибая ногами пушистые одуванчики. И вдруг, на мгновенье, я подумал, что сплю: передо мной, немного присыпанная песком, лежала пятирублевая синяя купюра. В тот момент моя душа, наверное, вылетела из расслабленного тела, и какое-то время кружилась вокруг моей головы. Я посмотрел кино, купил стакан семечек за рубль (их продавала бабуля на крыльце магазина) и еще три рубля принес маме. Мне казалось, я был тогда самым счастливым на свете.

Был в моем детстве и другой случай. В восемь лет я заболел скарлатиной. Положили меня в Боткинскую больницу в Москве, мама меня навещала. Болезнь протекала тяжело, с высокой температурой. В то время меня посещали мысли: «Вот я умру, а они будут без меня картошку вареную есть». Мама приходила почти каждый день. В здание не пускали (карантин), мы общались через окно. В один из дней меня перевели в коридор, наверное, много было больных. Мама приехала, подошла к окну, а меня там нет. Она походила, походила и поехала домой. Тогда не было телефонов. И когда она подходила уже к выходу с территории, я ее увидел. Это был второй раз, когда моя душа меня покидала. Но в этот раз в другом направлении: обида раздирала меня изнутри.

Я прожил трудовую насыщенную жизнь: 15 лет отдал работе в Нахабинском НИИ имени Д. М. Карбышева, в 1974 году переехал в Павловскую Слободу и 29 лет работал в местной войсковой части №67714, а затем – начальником сельского пенсионного отдела. Неоднократно избирался депутатом в Совет депутатов сельского поселения и Истринского района.

*Вячеслав Федорович Кашлев,
житель села Павловская Слобода*

*Воспоминания записала
Ольга Николаевна Маркусь*

«Бомбы летят!»

Я родилась в 1933 году. Врезался в память первый день, когда по радио (черные тарелки, которые были в каждой деревне) объявили о начале войны. Сразу же начались бомбардировки, а жители даже не знали, что делать при налете вражеской авиации. Коров пригнали на дневную дойку, вдруг кричат: «Бомбы летят! Бомбы летят!» Налеты были часто, в нашей деревне Лобаново разбомбили три дома. Потом люди начали рыть убежища в огородах. И наш отец устроил добротную землянку, мы в ней так и спали, чтобы ночью не бегать во время налетов. Однажды ночью показалось, что-то падает сверху на меня. Мама сказала, что это стручки гороха. Маленького ребенка слова матери успокоили, а утром оказалось – лягушки!

*Раиса Николаевна
Постнова*

С началом войны в жизни каждого жителя деревни произошли большие изменения. Отец работал председателем колхоза в деревне Черная, а через несколько месяцев ушел в партизанский отряд. Пока немцы не дошли до Зеленкова, жили неплохо. Держали крепкое хозяйство: была корова, собрали урожай картошки с 40 соток, голода не чувствовали. Когда немцы оккупировали Рождествено, пришел офицер и попросил уходить, предполагалось сжечь дома. Мужчины непризывного возраста, которым раздали колхозных лошадей, помогали жителям деревни эвакуироваться. Мы уехали в Новоникольское возле Опалихи. Когда вернулись, оказалось, что деревню не сожгли, в домах жили военные. Солдат было много, спали на полу. В доме ничего не пропало, да и брат

было нечего. В Зеленкове была мельница, помню, как мама ходила туда молотить зерно.

Позже колхоз возобновил работу и мы, такие малыши, хоть нас и не нашли в капусте, но точно вырастили на грядке. Постоянные сельскохозяйственные работы в какой-то степени помогали выжить в голодные годы. Бывало, пропалываешь на колхозном поле морковь, она маленькая, с мизинчик. Оботрешь землю и грызешь украдкой. А ведь еще свой скот и огород дома. Зимой дети на колхозные работы не привлекались, но хватало ухода за домашней скотиной. Была еще одна зимняя забота – протопить печку. Дров не было, в лес ходить за дровами запрещали: лесник строго следил. В Павловской Слободе был даже суд (на улице Луначарского), где судили за срубленные деревья. Голодно было в неурожайном 1946 году. Колхозникам продовольственных карточек не давали, они были лишь у тех, кто работал на артиллерийской базе.

Когда наступил День победы, все радовались, хотя тяжело было тем, у кого погибли родственники. Все, у кого были красные сарафаны, или другая красная одежда, наволочки, прикрепляли на палки и вывешивали на дома. В то время Лобаново было довольно большой деревней (около сотни домов). Большинство жителей входили в колхоз «Прогресс». Жизнь колхозника состояла не только из тяжелых будней и битвы за урожай, случались и праздники. После отъезда в Москву одного из «крепких хозяев» остался большой дом, который приспособили для проведения праздничных мероприятий. Называли это «Колхозный вечер»: хороводы, песни и главная «вкусность» – частушки, где узнавали и себя. С детства прививалась привычка к стихотворчеству. Наш председатель колхоза – Аграфена Васильевна Антонычева – была среди женщин самой заводной.

В трудные послевоенные годы душили налогами. Мало чего давали на трудодень, а тут еще надо сдавать налоги. Корову держишь – 220 литров молока сдай государству! То же с мясом, шерстью и прочими продуктами животноводства. Ото-

всюду с близлежащих деревень дети несли в бидончиках молоко, чтобы сдать в Павловской Слободе на молокозавод (вблизи пруда).

Однажды отправила меня мама сдавать молоко, в бидончик налила, крышку привязала. Я себя плохо чувствовала и не хотела идти, но мама настояла. В районе лешковской горы я почему-то решила, что бидон может сам докатиться вниз и отпустила его. Что случилось, можно себе представить. Думалось, что дома меня ждут честно заработанные вожжи, но добрая мама простила плачущую дочь, выслушав рассказ, как она споткнулась, плохо привязанная крышка отскочила, молоко и пролилось.

Закончились тяжелые годы. Я окончила техникум и с полученным дипломом стала работать сначала в Покровском в колхозном Доме быта, а затем в Павловской Слободе в ателье, которое принадлежало Военторгу. Ателье располагалось в здании церкви, а когда ее начали восстанавливать – в двухэтажном здании рядом с церковью (теперь там воскресная школа).

*Раиса Николаевна Постнова,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Слышались крики и стоны из-под земли»

Родилась я 27 мая 1941 года в Калужской области в Жиздринском районе, недалеко от границы Орловской и Брянской областей. Местность относилась то к Орловской, то к Брянской области, ныне – Калужская область. Немцы оккупировали эту территорию в 1941 году. Мы жили в хуторах, которые были рас-

*Вера Федоровна
Смирнова*

киданы по знаменитым брянским лесам. Отец ушел на фронт, с нами осталась мама, слабый здоровьем дедушка и бабушка. Комендатура фашистов была в селе в трех километрах, остальные фашисты разместились по хуторам.

В нашем доме жили двое детей, мама, бабушка, дедушка, два немца и два наших военнопленных, которые очень хорошо себя чувствовали при немцах. Те немцы, что с нами жили, не зверствовали, не обижали детей, но когда надо было топить печь – нас не спрашивали. Кур и свиней брали, не стесняясь.

Мама говорила, что ей один раз немец разбил лицо, когда она не поняла, что он ей приказывал. В брянских лесах действовали партизаны, и однажды кто-то убил немецкого пастуха. Ждали от фашистов «возмездия», но все обошлось. Говорили, что расправились свои. Местное население заставляли работать: валить лес, таскать бревна, настилать бревна – ведь кругом бездорожье. Колхоз сразу развалили. А до войны в колхозе жили очень хорошо: на трудодни даже мед выдавали.

Немцы в нашем хуторе неплохо относились к детям. Сиделись пить чай, подзывали нас, давали конфеты. Один из них говорил, что у него самого двое детей, не хотел он воевать, но заставили. В августе 1943 года без предупреждения население

стали сгонять в соседнюю деревню, где жила папина старшая сестра. Ничего не успели взять. В десяти километрах проходила Киевская железная дорога, погнали через нее, через поле, а там и мамина родная деревня. Чуть дальше в лесу увидели всю свою родню. Просидели там два или три дня. Мама рассказывала, что их заставляли охранять железную дорогу. За десять километров ходила. Каждому отводили сто метров, и ты жизнью отвечал за сохранность этого участка.

Удалось ненадолго скрыться в лесу, но потом немцы поймали и вернули. До железнодорожного узла Бежицы пришлось идти 70 километров, а там погрузили в эшелоны и повезли в направлении Смоленска. Ехали в закрытых товарных вагонах, ничего не видели и не слышали. Проехали Барановичи и остановились, наконец, в лесу. Как позднее узнали, на границе Белоруссии с Польшей. Этот пересыльный лагерь представлял собой пустое огороженное колючей проволокой поле, на котором ничего не было. Пока довезли, был уже сентябрь. В лагерь постоянно привозили людей, не было где укрыться, почти не кормили, бродили по территории, выскивали объедки, картофельные очистки. Начались морозы, из всех вещей было небольшое одеяло и папин пиджак. Я уже перестала вставать на ноги и ходить, хотя шел уже третий год, не открывала глаза.

Из этого лагеря формировали группы и отправляли в другие лагеря. Пробыли в этом пересыльном пункте мы несколько месяцев до больших холодов, потом нас отправили в Минск. Группу узников, в которую попала наша семья, знакомые и родственники из соседней деревни, видимо, представляли интерес в качестве рабочих рук, отправили по железной дороге на восток. Та же колючая проволока, вышки с автоматчиками, но уже бараки с нарами. Мама со мной была отправлена в лазарет. На вторые сутки умер дедушка, его похоронили на кладбище в Минске.

Концлагерь был почти в центре Минска, а рядом с ним располагалась электростанция, на которой и заставляли работать узников – таскать вагонетки с углем. Очень тяжелая работа, ра-

ботали посменно – ночь, день. Давали паек, более или менее кормили. Иногда получали пропуск выйти в город, а дети оставались в заложниках. Должен был вернуться в оговоренное время, иначе грозили расстрелять семью. Ходили в город, чтобы на улицах просить милостыню. Встречала мама много разных людей и хорошо отзывалась о белорусском народе. Попавшаяся на улице одна женщина рассказала о своей снохе-еврейке: «Их собрали прямо в городе, выкопали яму и сбросили вниз, а потом забросали землей. Не стали даже расстреливать. Я стояла долго и смотрела, как земля шевелится, слышались крики и стоны из-под земли».

*Вера Федоровна Смирнова,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Семьи репрессированных не эвакуировали»

Нина Ивановна Бочарова родилась в Павловской Слободе 3 сентября 1935 года. Детство ее протекало в основном на улице, поскольку крестьянским детям детский сад был не по-

*Нина Ивановна
Бочарова*

ложен. В доме на улице Дзержинского лежала больная бабушка, мама работала в колхозе на скотном дворе, порой по двадцать часов, а отца в 1937 году репрессировали. Семье доставалось за это и от соседей, а детей «врагов народа» не принимали в пионеры. Пока мать работала, у маленькой Нины были свои заботы: приносить с колонки воду, поить и кормить домашний скот, работать на своем большом огороде. Было не до игр и развлечений.

Начало войны для шестилетней Нины и ее восьмилетнего брата прошло незаметно и только с началом эвакуации, когда уехало почти все население, с появлением в Павловской Слободе большого количества военных, почувствовалось грозное дыхание войны. Семьи репрессированных не эвакуировали, поэтому мама осталась работать на скотном дворе, не весь скот угнали на восток.

Военная пора вспоминается Нине Ивановне, прежде всего, бомбежками. В наиболее напряженный период в декабре 1941 года село накрывало снарядами и авиабомбами. Целью фашистов была артиллерийская база. Бомбоубежище некому было сделать, была отрыта яма на огороде, зимой занесенная снегом, поэтому дети оставались беззащитными и в доме, и на улице. От голода спасал огород, на котором сажали картошку, позднее в колхозе дали корову. После боев к весне

1942 года на полях осталось много тел воинов, колхозниц заставляли их убирать.

После того как бои переместились на запад, жизнь понемногу стала налаживаться, из детских душ ушел страх, осталась тяжелая, но привычная работа. В это время жилось очень трудно, душили налогами, денег не было. В 1942 году Нина пошла в Павловскую школу, которую окончила в 1952 году. После седьмого класса хотела поступить в техникум при Красногорском заводе, но не прошла по конкурсу, хотя училась хорошо. После школы поступила в авиационный институт. Жила у тети. Лишь на выходные возвращалась в Павловскую Слободу и помогала маме. Дорога занимала четыре часа.

«На неделю, – вспоминала Нина Ивановна, – мама мне могла выделить не больше трех рублей. Этого хватало на три дня. В итоге я все пять лет голодала, страдала сильными головными болями. Иногда, правда, выручали подружки, подкармливали бутербродами. За все пять лет смогла купить единственную пару туфель. Не ходила даже на студенческие вечера, поскольку нечего было одеть».

Дети войны пострадали не только в трудный военный период, но и после победы жизнь долгое время для большинства была не легче.

*Александр Николаевич Гольцев,
методист Павло-Слободского КДК*

«Подошли и отпилили кусок мяса»

Я родилась в сентябре 1932 года в Павловской Слободе, в 1940 году пошла в Павловскую среднюю школу. С началом войны семья осталась в селе, так как не было возможности уехать. Папа – Павел Ильич Дежурнов – ушел на фронт (вернулся больной), а мама – Ольга Петровна – осталась одна с двумя детьми. Жили в доме (ныне это воскресная школа) на четыре семьи, три из которых уехали в эвакуацию. При налетах немецкой авиации спасались в убежище, находящемся на месте стадиона. Затем сказали, что там небезопасно, стали укрываться в подвальном помещении церкви, где оборудовали большое бомбоубежище. Однажды, после очередного налета, мы увидели, что прежнее земляное укрытие уничтожено до основания.

*Валентина Павловна
Грачева*

Во время войны семья переехала в Озерки к маминой сестре. Мы были там недолго, но врезалось в память, как в дом тети приносили раненых, их перевязывали и отправляли, в случае необходимости, для дальнейшего лечения. Умерших хоронили прямо во дворе дома. А когда в Павловской Слободе устраивали братскую могилу, туда перенесли останки этих захороненных бойцов. Затем вернулись в Павловскую Слободу в наш опустевший дом. В соседние квартиры подселили солдат, которые нас и подкармливали. После отъезда военных снова остались одни в большом доме, потом по соседству поселилась женщина с дочкой. Однажды на углу нашего дома увидели убитую лошадь. Ночью с соседкой подошли и отпилили кусок мяса, думали следующей ночью еще сходить, но лошадь уже увезли.

Работала летом в колхозе, помогала им выполнять норму. Пололи свеклу, морковь. На месте новой школы в Павловской Слободе был конный двор, рядом овощехранилище. Ходили туда с подругами перебирать картофель, морковь, лук. Деньги за это платили, а стаж не начислили. В 1947 году окончила семилетку, стала работать в колхозе, в 1950 году устроилась на военную базу №38. Начала работать сначала старшей табельщицей, нарядчицей цехов №2 и №3, затем, в 1970 году, перевелась на должность нормировщицы. В 1977 году поступила в вечернюю школу для получения полного среднего образования.

*Валентина Павловна Грачева,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Приходилось тащить на себе и плуг, и борону»*

Когда началась война, мне было 9 лет и 9 месяцев, мы всей семьей – а было нас восемь человек – жили в деревне Лобаново. Папа и брат работали в Павловской Слободе на артиллерийской базе №38. Брата призвали в армию, а двух старших сестер – на трудовой фронт. Эвакуироваться никуда мы не стали – так и остались в деревне: перед уходом на фронт папа вместе с соседями выкопал землянку недалеко от дома, там и прятались во время налетов. Похоронка на отца пришла в сорок третьем – так мы остались одни.

Мама – инвалид второй группы, надо было ей помогать: все лето я работала в колхозе, чтобы заработать лишний трудовень, на который порой ничего не давали – все было «для фронта, для победы». Помню, что у нас не было ни радио, ни света, сидели с керосинкой, а когда керосин кончался, жгли, как раньше, лучину. В колхозе растили хлеб, овощи, но, естественно, лошади, а тем более трактор были роскошью, техники катастрофически не хватало, так что нам, детям, приходилось тащить на себе и плуг, и борону.

Помню, как в декабре 1941 года прислали сюда на подмогу воинов-сибиряков. Это были высокие крепкие мужчины, одетые по погоде – в белые полушубки, валенки и шапки. Эти ребята и выбили немцев из Рождествена и долго держали оборону. Они умело, достойно воевали. Деревня наша в оккупации не была, но разведка немецкая по деревне ходила. Были

*Валентина Федоровна
Макурина*

---

* По материалам газеты «Истринские вести» – 2014, №67. С. 31.

и бомбежки, сгорело три дома, но жертв, к счастью, не было.

В сельской местности нам были положены 150 граммов хлеба и все. Посыплешь тот хлебушек солью, польешь его водичкой – и на том спасибо. Был очень сильный голод: ели лебеду, крапиву, жмыху, из нее пекли лепешки; ели и мороженую картошку, из которой тоже пекли лепешки, которые называли «кувыркухи». В Нахабине был конный парк, там забивали больных лошадей, которых хоронили на кладбище между Исаково и Лобаново. Вот мы их откапывали, обрабатывали и ели – нам это казалось таким вкусным! С личной гигиеной тоже было несладко: не было ни зубного порошка, ни мыла, а вот вшей – предостаточно: мылись кое-как в корыте, а летом на речке, белье стирали золой от дров.

Надо было жить дальше. В 1946 году я окончила семилетку, училась в Павловской Слободе, а потом работала на военной базе учеником токаря. Окончила вечернюю школу, в 1950 году перешла работать на авиационный завод имени Чернышева в Тушине. После вечернего техникума работала плановиком, а в 1990 году уволилась. Рабочий стаж – 44 года. Ветеран труда, войны, инвалид второй группы. У нас, детей войны, здоровье необратимо подорвано: но главное – сейчас мы живем под мирным небом.

*Валентина Федоровна Макурина,
жительница города Дедовск*

*Воспоминания записал
Тимур Майзенберг*

«Решил стать офицером»

К началу Великой Отечественной войны мне исполнилось 7 лет, поэтому детская зрительная память хорошо сохранила многие моменты этого нелегкого военного периода. Все южные районы Курской области заняли немцы, и наш Глушковский район попал под колпак немецкой оккупации. Враг чувствовал себя хозяином занятой земли. Оборудование близлежащего сахарного завода было упаковано и опущено на дно реки Сейм, поэтому немцам запустить завод не удалось. Лишь после возвращения Красной Армии завод вновь стал работать. Фашистские команды регулярно обходили населенные пункты, собирали продукты и отправляли на передний край. На другом берегу Сейма были меловые горы с огромным количеством оврагов. В них базировались наши партизаны. Вот так и получалось, что днем немцы собирали дань, а в определенное время в деревню приходили наши, и мы делились с ними, чем могли.

После поражения немцев под Курском, партизаны устроили засаду на отходящие силы противника на реке Ведьма, что в полутора километрах от нашей деревни. Немцы тогда основательно запаслись провизией: резали свиней, коров, собирали большие обозы. Но партизаны портили им подводы, враг в панике бросал все, лишь бы самим спастись. На реке никого в плен не брали, и, по сути, всех фашистов там положили. Оккупация длилась с 1942 по 1943 год. Немцы отступали через нашу деревню на железнодорожный узел в Ворожбе, что уже в Украине. Забирали наших лошадей, резали скот. Так как немцы сожгли архив в Курске, помню, проходила перепись населения: приходили и узнавали, кто и когда родился, у кого какие родственники, так как документов у нас тогда не было. Записывали все буквально со слов, путаница была жуткая.

Когда пришел к нам первый русский батальон, все очень радовались. Деревни наши были примерно в километре друг от

друга, наши солдаты подавали сигналы, когда занимали очередную деревню – несколько очередей из пулемета в воздух. Мы еще мальчишками были и собирали гильзы от этих пулеметов, кто больше наберет. Несли нашим войнам продукты, воду. С нашей деревни на войну призвали 150 человек, а вернулись всего семеро, в том числе мой брат. После призыва остались, естественно, только старики, женщины и дети. Началось выживание: бедность, голод. Мы решили перебраться в Белоруссию. Добирались на крышах поездов. Беженцев было столько, что, порой, паровоз не мог сдвинуться с места, пока милиция не снимает лишних людей.

В Белоруссии началась посевная, работали в поле. А пока пахали землю, собирали прошлогоднюю картошку. На чердаке дома, в котором нас приютила старушка, сушили эту картошку и отправляли ее домой. Школу в нашей деревне восстановили, я окончил в ней четыре класса. В трех километрах от нас, в селе была семилетка. Однажды я «зайцем» пробрался в кинозал, где показывали фильм «Котовский». После его просмотра я, во что бы то ни стало, решил стать офицером. Пока работал

Иван Самойлович и Галина Трофимовна Калиниченко с детьми

в колхозе, пас скот, удалось заработать немного денег, поднимали хозяйство. За 11 километров от нас было другое село, там находилась школа-десятилетка. После школы я попросился в военное училище, в военкомате направили в Тамбов.

Окончил училище с отличием, мне присвоили звание лейтенанта и послали в составе группы советских войск в Германию. Это было уже в 1959 году. Отслужил я два года. И тут, по приказу Хрущева, началось сокращение армии, под него попал и мой непосредственный начальник. А меня приказом начальника базы на его место поставили. Начальником отдела прослужил еще пять лет, затем перевели в Воронежскую область, в город Лизки, а оттуда – в Павловскую Слободу. В 1982 году я уволился с базы. После работал механиком на строительстве трассы Москва-Рига, затем – директором агробиостанции и еще два года – ответственным по трикотажному комбинату. Потом уехал к дочери в Беларусию, но по семейным обстоятельствам пришлось вернуться обратно.

*Иван Самойлович Калиниченко,
житель села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Я завидовала другим детям»

Родилась я 27 июля 1941 года. Отца осенью того же года забрали в армию. После окончания 7 класса, поехали мы в район получать свидетельство, дату рождения я исправила на 1940 год, чтобы в техникум взяли. Детство, как и у всех, было трудное. Отец погиб на войне. В 1946 году был страшный голод. Мать решила продать дом, нас отправила к бабушке, а сама поехала в Белоруссию за хлебом, да так и не вернулась. Бабушке было 64 года. Ей предлагали отдать нас в детский дом, но она отказалась. Питались мерзлой картошкой, травой, затем поднимали свой огород. Летом запасали топливо на зиму, пасли скотину. Работали много. Я завидовала другим детям, которые могли отдохнуть, искупаться в речке.

В школе училась хорошо, мечтала стать учителем. По окончании школы поступила в педагогическое училище в Барнауле. Но через год его перевели в Рубцовск, оканчивала я в 1959 году уже Рубцовское педучилище. По распределению попала воспитателем в детский дом, но бабушка уговорила остаться, и оказалась я в деревне Ходяковка, там и повстречала своего будущего мужа. Когда его направили в Германию, поступила в Курске в университет на химический факультет. Химию никогда не преподавала, зато работала на заводе по гидролизации белка. Мне очень нравилось там. Затем попала в 1972 году в Павловскую Слободу. Работала в школе, родила двух дочерей. Старшая сейчас живет в Белоруссии, а младшая с нами.

*Галина Трофимовна Калиниченко,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«А если бы он не промахнулся?!»

Война – слово страшное, жестокое. Особенно больно оно ударяет по детям. Чувство ужаса, пережитое в эти годы, навсегда остается в памяти людей и кровотоцит незаживающей раной. Моей тете, Анне Сергеевне Новиковой (в девичестве Архиповой), жительнице города Горького, в 1941 году было 15 лет. Она помнит тот светлый летний день, когда вместе со старшей сестрой Наташей приехала в деревню к родным. Начало войны переменяло все разом: лица людей стали горькими и суровыми. Железнодорожные вокзалы были битком набиты людьми, все куда-то торопились, толкались и кричали. В этот же день ей пришлось возвращаться домой в город.

Начались военные будни. Аня работала на заводе пищевых концентратов. В голодные годы с продовольствием было туго, а воровство продуктов считалось серьезным преступлением, но чтобы прокормить детей, работницы иногда перебрасывали продукты через забор. Дисциплина была строгая, «несунов» строго наказывали. Одну знакомую тети даже посадили на два года за это. Тяжелым испытанием была и работа на лесозаготовках, на которые завод направлял подростков. Лес валили в деревне Шаманиха Горьковской области. Двуручными пилами по двое молодые 15-летние девчонки пилили деревья. Бригадир учил, как правильно это делать. Сучья обрубали топором, распиливали стволы по два метра и на санках таскали к станции, где их грузили в вагоны и увозили в город. Вставали рано, в шесть часов утра, наворачивали на ноги пор-

*Елена (слева) и Анна
Архиповы. 1942 год*

тянки, надевали специальные «буцилы» и шли в лес. Вечером возвращались в деревню. Приходили мокрые, голодные. Юные «лесопильщицы» жили по 4-5 человек в избах местных жителей. Деревенские старухи девчонок жалели, подкармливали, сушили мокрую одежду на печке. Группы менялись каждые полгода.

Брат Егор в июле 1941 года ушел на фронт. Стали каждый день с замиранием сердца в доме №2 по улице Каширской ждать почтальона. Жаль, что время не сохранило треугольнички – письма с фронта. В памяти осталась лишь открытка с видом Ленинграда и словами: «Жив-здоров, идем вперед!» Вскоре пришло страшное известие о гибели брата – это было большое горе для всей семьи. Мать кричала навзрыд, не верила, что сын убит: «Это не правда, он жив!» Она гадала на картах, но выходило каждый раз по-разному, то жив, то нет. До сих пор при упоминании его имени сестры плачут: «Какой он был хороший, таких сейчас нет!»

Моей маме, Елене Сергеевне Чернышевой (в девичестве Архиповой), в начале войны было 7 лет. Смерть любимого брата стала сильным потрясением. Среди ужасов военного времени она вспоминала ночные бомбежки. Девочка часто видела страшное кровавое зарево пожаров во время налетов фашистских самолетов. Серьезные разрушения получили корпуса и здания Автозавода, прерывалось поточное производство. Ремонтники, монтажники и строители, работая по 18-19 часов в сутки, восстанавливали завод. Девочка не могла знать, что 21 октября 1941 года завод получил правительственную телеграмму с заданием в ближайшие два-три дня резко увеличить выпуск танков Т-60. Автозаводцы поклялись дать танки защитникам Москвы. Изготовление танков не прекращалось ни на час. И маленькая Лена видела, как каждый день мимо ее дома по бревенчатому мосту проезжала военная техника. Как знать, может быть именно эти легендарные орудия так помогли защитникам Павловской Слободы в декабре 1941 года!

До войны, в годы дружбы СССР с фашистской Германией, на территории Автозавода немцами была построена поликлиника, на плане она была похожа на фашистскую свастику. Люди утверждали, что именно по ней ориентировались летчики, нанося бомбовые удары по Автозаводу. «Готовились, гады!» – так думала и семилетняя девочка. Хотя бомбили всегда ночью. Самолеты летели по реке, очень низко к воде. Однажды зажигательная бомба упала совсем рядом, за три дома, в избу Ярцевых. Полопались стекла в домах рядом, хотя их укрепляли, наклеивая картофельным крахмалом полоски белой бумаги (чаще всего крест-накрест). Сильное зарево пожара осветило темную ночь. Многие уезжали из города в деревню, спасаясь от ужаса бомбежек. При объявлении тревоги люди на лодках переправлялись на другой берег Оки, там все подножие Дятловых гор было испещрено катакомбами. Немцы пытались разбомбить мост, но над ним висели огромные дирижабли. Большое количество этих больших надутых громадин находилось на колхозном поле.

Семья осталась в городе, отец Лены (ему было уже 57 лет) работал на пищекомбинате, где готовили в брикетах концентрат для фронта, возил на коне по кличке Мальчик разные грузы. Ввели большие налоги, кормежка стала дорогая, лошадь пришлось продать, а мой дед пошел работать на станкозавод. Ввели карточки на продукты. На четырех человек выдавали 1200 грамм сахара в месяц. Экономили. Сахар продавали, покупали одежду и обувь. Почему-то в городе было много киргизов (в ватных восточных халатах), они и их дети просили милостыню. Семью спасал огород. Девочки сажали картошку. Тетя вспоминала, как знакомый старый дедушка Мирошкин не мог равнодушно смотреть на девчонок. Он брал у маленькой Лены лопату и копал грядку. Картошку никто не воровал.

Самым страшным воспоминанием в маминой памяти остался следующий случай. Как-то раз ее послали отоварить талоны на хлеб на местную продуктовую базу. Она уже воз-

вращалась обратно, как раздался сигнал воздушной тревоги. До дома оставалось совсем немного. Леночке хотелось быстрее к маме. «Куда ты, доченька, бежишь, там самолет!» – услышала она мужской окрик, но не остановилась, побежала к

Елена и Анна Архиповы

мосту. Именно здесь огромный «Мессершмитт» с черной свастикой на борту пролетел прямо над ней, выпустив по ребенку пулеметную очередь. А если бы он не промахнулся?! Мамины глаза наполняются ужасом до сих пор, когда она об этом вспоминает. Ребенку показалось, что она даже видела глаза немецкого летчика. Лена упала от сильной воздушной волны, два солдата подбежали к ней, подняли и проводили к родителям.

А как же радовались люди, когда война закончилась.

Мама помнит, как бегали по улице люди, целовались, обнимались, прыгали, поздравляли друг друга, подбрасывали вверх детей и старух. По Оке шли пароходы, из громкоговорителей кричали: «Война окончилась!» Ликование было всеобщим.

*Вероника Борисовна Маслова,
педагог-психолог Павловской СОШ*

«Огонек в избе – к гибели»*

Николай Алексеевич Шибанов родился в 1925 году и всю жизнь прожил в деревне Лобаново. Построил дом, создал семью, вырастил дочь и двух внуков. Рассматривая старые фотографии военных и послевоенных лет, он узнает среди лобановских колхозников себя, брата, товарищей, многих из которых уже нет. Тяжело вздыхает, глотая слезы, и начинает

*Николай Алексеевич
Шибанов*

свой рассказ: «Работали мы в поле, прибегают и зовут колхозников слушать в двенадцать часов выступление Молотова. Собрались возле правления и из «черной тарелки» слышим – война!..»

Юному Николаю шел шестнадцатый год. Ходили с ребятами в Дедовск и занимались военной подготовкой на стадионе – разбирали и собирали ружья, учились кидать гранаты. Продолжал трудиться в колхозе: Николаю нравилась работа в поле, хотя это был большой и тяжелый труд. Мама его очень любила петь. Соберутся,

бывало, женщины в свободную минутку и говорят: «Вера Тимофеевна, споем!» И начинали петь старинные песни. Никаких развлечений тогда не было, висела только «черная тарелка» – радиоточка, по которой во время налетов объявляли воздушную тревогу.

Первые вражеские налеты начались летом, сразу уничтожили несколько домов в деревне. По низколетящим немецким самолетам не было никакой ответной стрельбы – враги были полными хозяевами неба. Теткин муж Степан сказал родите-

---

* По материалам газеты «Истринские вести». – 2014, №17. С. 29.

лям: «Давайте строить землянку». Отрыли по всем правилам защитное сооружение, где и стали укрываться. Землянку соорудили на две семьи. Соседи сначала над ними смеялись, но когда начался налет, возникла страшная паника, дома горели, и в эту землянку набилось столько народу, что сам Николай не смог туда протиснуться. Поэтому он решил выкопать себе отдельное убежище, оборудовал его и там спал по ночам. Другие жители последовали его примеру.

«Сторожил я однажды с собакой урожай пшеницы, – рассказывал Николай Алексеевич, – выдали мне ружье и поставили на пост: боялись, что при бомбежке немец кинет бомбу-зажигалку. Пшеница очень сухая. Бомбу самолет сбросил в нескольких сотнях метров от поля. Только обдало волной, страшно перепугался Тузик. Оказалось, что кто-то из нерадивых хозяев нарушил светомаскировку, поэтому и сбросили бомбы. Ведь огонек в избе – к гибели. После этого случая вся деревня стала еще тише, внимательнее, еще глубже закопалась в землю».

Ребята постарше пошли работать на военную базу в Павловскую Слободу. Сергей Соколов позвал работать и Николая Алексеевича. В кадрах парня встретили настороженно: «Куда ты, очкастый?» Желающих поработать было много, выбор был. Но все-таки приняли учеником слесаря в седьмой цех по ремонту станков. Ремонтировали «ДИП-200» – токарно-винторезный станок, который в народе переводили как «Догоним и перегоним!» (подразумевая Америку).

Работали с восьми утра до восьми вечера в 1942 году, а осенью 1943 года приехали большие воинские начальники и поставили срочное задание – сделать станок, на котором можно вытачивать ложе для стрелкового оружия. Те, которые были, сдали в металлолом. Не было чертежей этого станка, никто его не видел. Нашли инженера, который по памяти рисовал эскизы узлов и деталей станка, их тут же стали изготавливать. Работали день и ночь, почти не отдыхая. «Зимой в феврале 1944 года, – вспоминал Николай Алексеевич, – в два-три часа

ночи уходил домой, а к восьми утра уже снова был на рабочем месте. Страшно торопились. Материалы и подходящие детали собирали со всех заводов Москвы, на месте их подгоняли. Вскоре станок был готов и после наладки начал выпускать недостающие для сборки винтовок детали. После такой работы здоровье ухудшилось, рука стала болеть».

Внучка Николая Алексеевича рассказывала: «Дедушка хорошо рисовал. От его хобби осталось множество картин, которые до сих пор украшают дом. В детстве дед много раз рассказывал историю о том, как во время войны они спрятали в сундук нарисованные им портреты Сталина и Ленина, поскольку опасались расстрела за такие картины, и закопали его на участке. Война давно закончилась, но до сих пор сундук так и не нашли».

*Александр Николаевич Гольцев,
методист Павло-Слободского КДК*

* * *

Война прошла, а боль осталась.
Не забывается она...
Не детским страхом отозвалась,
Неся все беды на года.

Когда сейчас нас собирают,
Чтоб о войне той рассказать,
Я вижу: слезы вытирают,
Что ненароком заблестят.

Не дай же Бог, чтоб повторилось
То время, горькая пора...
Она в страданье превратилась, –
Лишила детства нас война.

Мы рано очень повзрослели:
Трудились много, как могли.
И чаще, чем всегда, болели,
Что близких мы не сберегли.

Узнали, что такое голод.
И замерзали без конца.
Но, покидая родной город,
Мечтали: кончится война!

Не позабыты похоронки...
Чтоб почтальон минул наш дом...
И те бомбежки и воронки,
Что часто вижу перед сном.

Анна Павленко

«Мама так и лежала, запорошенная снегом»

Моя мама, Татьяна Егоровна Болезнова, погибла в декабре 1941 года (похоронена в ограде храма в селе Рождествено). Мне тогда был 1 год и 3 месяца, и, конечно же, я войну не помню. Знаю ее лишь по рассказам непосредственных участников: Ксении Егоровны Лепешкиной и многих других.

Придя в Рождествено, немцы выгнали всех из домов. Бабушка моя не могла вылезти из окопа, ее оставили, а маму прогнали, хотя она была беременная вторым ребенком. Когда она с другими женщинами шла по улице, застрочил немецкий пулемет, и как раз угодил в нее и еще одну женщину. Меня же в это время несла другая девушка – это и спасло. Маму на ночь разрешили занести в один из деревенских домов, где у нее начались роды. У ребенка насчитали семь ранений.

Утром следующего дня всех жителей села погнали в сторону Истру, прикрываясь ими как живым щитом. Маму положили окровавленную на железные колхозные сани, постелили солому и довели до деревни Крюково. А там, по приказу немцев, оставили в крайнем доме. Она бескровными губами шептала, чтобы меня поднесли к ней, но фашисты всех погнали дальше. Мама в великих муках умерла. Затем деревню стали поджигать, но, войдя в дом и увидев покойницу, немцы вынесли ее и положили на снег рядом с домом. Недели через две жители деревни вернулись в свои дома, а мама так и лежала, запорошенная снегом, никто ее не тронул, даже собаки. Кладбище было далеко, ни мужиков, ни лошадей. Женщины разгребли снег у церкви и в полуметровую могилу без гроба, положили ее в замерзшей окровавленной одежде. Отец в это время был на фронте.

Я попала в детский дом, затем окончила Саратовское медицинское училище по специальности фельдшер и по распределению отправилась в Якутию. Там вышла замуж, родила двоих детей, но они часто болели из-за сурового климата. Посоветовали уехать. А куда ехать и к кому? Хорошо, что мне дали из

училища мои координаты о месте рождения, туда и отправились. Трудностей много было, всего не опишешь. Приехали на родину, но никто меня не ждал, хорошо хоть повезло с пропиской. В Дедовске в паспортном столе работала Ольга Ивановна, которая хорошо до войны знала мою маму.

Направили в Москву за пропиской, которую было получить очень сложно. Люди там занимали очередь с раннего утра, а прием всего сто человек в день. Я приехала в обед, многие, видимо, проголодались и отошли.

*Могила Татьяны Егоровны
Болезновой у храма*

И вдруг вышла рыжая секретарша и решила заново переписать очередь: в новом списке я оказалась 99. И мне повезло: в этот день прописали всего двух человек – меня постоянно и девушку на 3 месяца. Там мне сказали, что «твое счастье, что ты детдомовская и это твоя родина». Я на крыльях радости «летела» в Рождествено.

Муж, Юрий Александрович, устроился на работу в НЭХ «Снегири» токарем, а я стала работать по специальности в Снегирях. Времена были нелегкие: бывало, приду на вызов, а если в доме что-то варят, так у меня голодный обморок. Но, несмотря ни на что, работали, воспитывали детей.

*Валентина Григорьевна Сысолятина (Болезнова),
жительница села Рождествено*

«Нельзя солдату наедаться»

Олег Иванович Якуничев родился в 1937 году в Павловской Слободе. Его мать – Татьяна Петровна (в девичестве Подгорнова) – была родом из Москвы, но после революции 1917 года и начала гражданской войны семья переехала в Подмосковье. Отец – Иван Николаевич Якуничев – в годы войны

*Олег Иванович
Якуничев*

работал военпредом на артиллерийской базе, сдавал военную технику в ремонт на базу и отправлял отремонтированную на фронт. До 1949 года он работал на базе, затем был направлен на Дальний Восток, где и остался.

С октября 1941 года начались систематические бомбежки села. В огороде устроили небольшое укрытие, в котором часто пережидали пролет самолетов, а порой и бомбежки. Село стояло прямо на пути бомбардировщиков, которые сбрасывали страшный груз на мост через Истру, железнодорожную станцию и артиллерийскую базу. Не было четких ориентиров и бомбы падали на дома мирных жителей. В конце октября семья вынуждена была спасаться у родных в деревне Козенки, была опасность, что пострадает дом во время намеченного подрыва базы.

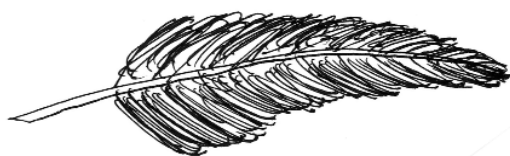
После эвакуации из села основного населения наблюдались случаи мародерства, некому было поддерживать порядок. Лишь по мере продвижения военных действий на запад, в село стали возвращаться жители. По примерным подсчетам Олега Ивановича, в 1945 году в Павловской Слободе насчитывалось более двухсот детей в возрасте от 6 до 15 лет. Недалеко от дома Якуничевых расположился штаб дивизии, среди военных

были и полковники, их кормили хорошо. Иногда детям от них перепадала конфета или шоколад. «А солдаты, – вспоминал Олег Иванович, – наоборот всегда были голодные. Бабушка варила в большом чугуне щи, картошку и потихоньку их подкармливала. Увидели командиры и возмутились, мол, ни в коем случае нельзя солдату наедаться, вдруг завтра в бой!»

Мать Олега – участница трудового фронта. В годы войны рыла окопы вокруг Москвы, строила блиндажи и другие защитные сооружения, валила лес. За свою жизнь она с 16 лет проработала почти 61 год: сначала в сельпо учетчицей, затем на кожгалантерейной фабрике с 1953 по 1981 год, три года на общественных началах помогала газифицировать дома в Павловской Слободе.

Начальную школу Олег Иванович окончил в 1946 году. Классным руководителем у него была Зинаида Георгиевна, жена врача Алексея Леонтьевича Михайлова. По окончании четырех классов их перевели в двухэтажную среднюю школу на улице Луначарского. После школы проработал год учеником токаря на московском заводе, затем поступил в пищевой институт. Играл в футбол: с 1954 года за базу, с 1959 года – за истринский «Спартак». По окончании института трудился в объединении «Пищемаш», затем главке «Союзглавищекомплект» при Госнабе СССР. В 1997 вышел на пенсию, два года занимался предпринимательством. Вырастил дочь и двух внуков.

*Александр Николаевич Гольцев,
методист Павло-Слободского КДК*

«Пятилетние дети считались взрослыми»

Родилась я в январе 1942 года, жили в эвакуации в Хабаровском крае. В феврале того же года отца забрали на фронт оборонять Москву. А мы вскоре поехали в Башкирию к бабушке. В поезде ехали три месяца, постоянно пропускали воинские эшелоны, идущие на фронт. В пути у нас украли все продукты, хорошо хоть вещи не тронули. Помогали солдаты: давали пассажирам сухарей. Доехали до Башкирии, а там ситуация тяжелая: семья большая, пора сажать картошку, а семян нет. Продали вещи, чтобы купить семенной картофель. Появилась надежда на будущий урожай. Мама работала в колхозе, но почти ничего на трудовни не получала. День в поле, а ночью ходила караулить трактора, чтобы не растащили на запчасти, да не сливали топливо. Самыми тяжелыми были военные 1942 и 1943 годы. Печки днем не разрешали топить, только ночью, пока лежит роса – боялись пожаров.

Со временем потихоньку начали обзаводиться хозяйством. Закончилась война, дед нас водил в лес собирать орехи и лесную клубнику. Осенью 1946 года пришел из армии папа, после участия и в войне с Японией. Тогда стало чуть легче. Мне исполнилось 4 года, дальнейшие события уже помню сама. Папа привез нам и матери алюминиевые гребенки. Игрушек у нас не было. Лишь иногда мама шила мне тряпичных кукол. Чуть позже источником новых ощущений для детей стал приезжавший иногда старьевщик с глиняными свистульками и другими незатейливыми игрушками. Это и было для детей счастьем. С восьми лет я пошла в школу. За

*Лана Дмитриевна
Свистунова*

три километра от дома нас с сестрой провожал старший брат. Отец был охранником в колонии, а затем уволился из армии и пошел работать на железную дорогу. Для жилья семье предоставили место в бараке, построенном из шпал.

Летом все дети бегали босиком, а в другое время года дед плел лапти, чтобы быстро не изнашивались, к лаптям подшивали резину. Весной колхозники перепахивали поле, дети собирали гнилую мороженую картошку, из нее добывали крахмал, добавляли к муке, и пекли лепешки. Отцу выдавали паек, кое-как удавалось питаться, а мама рационально относилась ко всему, умела экономить. Распределяла продукты на весь период до следующего получения пайка, поэтому мы меньше других питались лебедой, хотя тоже приходилось. Но 1947 и 1948 годы были самые голодные годы. Пятилетние дети считались взрослыми, им давали почти любую работу: мыть посуду, работать в огороде, ухаживать за скотиной, стирать белье, убираться в доме. С каждой коровы, с каждой овцы, с каждой курицы надо было отдать натуральный налог. За этим строго следили. Вместо того чтобы детям скатать валенки к зиме, всю овечью шерсть сдавали государству.

В 1953 году умер Сталин, я училась в 3 классе. Все плакали, сидели, слушали радио, не знали, что будет дальше. Брат ушел в армию, родились сестра и братишка. Уже работала старшая сестра, другой брат, окончив четыре класса, начал работать помощником кинемеханика, ездил с передвижной киноустановкой по району. Изредка на разъезд приезжала автолавка, что-нибудь из промтоваров привозили и делили на всех. Говорили: «У вас три девочки, хотя бы одной на платье кусок штапеля». Остальные донашивали за старшей сестрой. Уже и обувь появилась – боты «Прощай молодость».

В 1959 году родственники позвали меня на Урал, где было много заводов. Приехала в сентябре, а восемнадцать лет только в следующем году в январе: на завод не брали. С трудом устроилась в цех, где делали ракеты, промывать детали металлической ртутью. Очень вредные условия труда, работали

лишь в масках, полоскались в ртути, а оформили нас как кочегаров. В мае приехали и папа с мамой. Я ушла на швейную фабрику и без отрыва от производства окончила трехгодичные курсы, получив диплом швей-мотористки и мастера пошива мужской и женской верхней одежды. В 1963 году вышла замуж и вскоре переехала с мужем в Подмоскowie, где после многих мытарств, проработала в различных организациях до выхода на пенсию.

*Лана Дмитриевна Свистунова,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«На санках в железном корыте»

Родилась я в 1937 году в Павловской Слободе. О начавшейся войне наиболее яркое воспоминание, как меня с маленьким братом мама везла на санках в железном корыте во время эвакуации в Павшино к родственникам. Через несколько месяцев семья вернулась домой. Жили мы в то время в доме №4 на улице Ленина. Отец умер перед войной в апреле 1941 года, мама работала в разное время в пекарне, в ресторане, на кожгалантерейной фабрике, а в молодые годы – в колхозе на тракторе.

Я окончила десять классов, поступила в железнодорожный техникум и пять лет работала в Москве на складе станции Белорусская. После этого вернулась в Павловскую Слободу и устроилась счетоводом-кассиром в сельском совете, который тогда возглавлял Роман Иванович Швайковский. Затем трудилась бухгалтером, главным бухгалтером, всего отработала в сельском совете 21 год. Воспитала троих детей и четверых внуков.

*Зинаида Ивановна Мельникова,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

Зинаида Ивановна Мельникова с правнуками

«Четыре кусочка сахара»

Я родилась 7 сентября 1937 года в городе Красный Холм Калининской (ныне Тверской) области. Это небольшой городок на возвышенности, разделен речкой Могоча. Дом наш находился на окраине. Рядом была тюрьма (во время войны ее пере-

*Валентина Алексеевна
Чернова*

ревели в другой город), а за ней – заросшие травой поля и оставшийся под снегом необрушенный урожай картофеля. Весной 1942 года, как только сошел снег, жители соседних домов копали эту гнилую мерзлую картошку. Но и это запрещалось, в земле могли быть неразорвавшиеся снаряды. Мама работала в госпитале, ведь в это время все школы использовали для лечения раненых бойцов. Отец ушел на фронт с самого начала войны, так до ее конца не виделся с семьей. Письма приходили, но очень редко. Он служил танки-

стом. Большую часть времени находился на передовой, был ранен, контужен. После войны он плохо слышал, изредка, лишь подвыпивши, начинал вспоминать о войне, наливал рюмку за друзей. Слушать его рассказы без слез было невозможно.

Я помню, когда он вернулся, отдал мне свою планшетку. С ней я ходила в школу вместо портфеля. Отец ушел на войну, кормильцем остался старший брат. В 14 лет он пошел работать учеником электрика на электростанцию. Днем работал, а вечером ходил помогать на мельницу, которая была в том же здании. Туда привозили из колхозов молотье зерно. Ночью, когда работа прекращалась, брат сметал мучную пыль с деталей механизмов. Ее добавляли в мерзлую после зимы картошку и мама пекла лепешки (мы их называли «чибриками») на печке-

буржуйке, которая стояла у нас посреди комнаты. Дети в это время стояли вокруг печки и с нетерпением ждали, когда же они испекутся. От голода кружилась голова, то один, то другой ребенок падали в обморок. Летом в огородах крапива не успевала вырасти. Помню, как колоски собирали после уборки урожая, каждое зернышко поднимали с земли. Набирали их на кашу для маленьких, а старшие, не доедая, уходили на работу. И вот эти «чибрики», эта мучная пыль, смешанная с пылью дорожной, скрипящей на зубах, эта маленькая горстка зерен спасли нас от голодной смерти.

Голод был страшнее всего, даже воздушные тревоги переносились легче. Хорошо запомнился один из налетов фашистской авиации. Самолет долго висел на низкой высоте над тюрьмой совсем рядом с нашим домом, мама нас всех к себе прижала, накрыла одеялом, чтобы вместе погибнуть. Но тогда самолет так и не сбросил бомб, видимо, летчик увидел, что тюрьма пуста. Еще однажды вечером, когда было уже темно, к нам в дом зашли четверо солдат. Они должны были выкопать могилы для погибших на фронте бойцов. Запомнилось, как они сидели за столом, пили кипяток с хлебом, а нам отдали четыре кусочка сахара. Эти кусочки мы разделили на всех. Сейчас, когда я смотрю на кусочки сахара, вспоминаю события тех страшных лет. Я знаю цену куска хлеба и храню память о трудной године военных лет.

*Валентина Алексеевна Чернова,
жительница села Павловская Слобода*

«Любимое угощение – кусок черного хлеба»

Родилась я в октябре 1944 года в селе Павловская Слобода. Мама Зинаида Павловна, 1915 года рождения, и папа Дмитрий Никифорович, 1913 года рождения, всю жизнь проработали на артиллерийской базе №38 (примерно с 1935 года). Мама окончила Павшинское фабрично-заводское училище по ремонту оптики, отец – Московский техникум машиностроения, работал мастером в цехе вместе с мамой. С началом войны родители уехали вместе с работниками базы в эвакуацию.

Мама рассказывала, что когда началась война, она пошла в магазин, но там уже была огромная очередь, все принялись покупать продукты. И когда она простояла часа два, ей досталось лишь два куска мыла и килограмм конфет «Подушечки». Дальше было еще хуже: продукты стали выдавать по карточкам. Рядом с войсковой частью в Павловской Слободе находилась столовая. Я даже помню, говорили про нее: «От завода до столовой, всего ходу пять минут, а в столовой суп перловый – и того по часу ждут». Несмотря на трудности, люди работали, выполняли план под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!»

*Любовь Дмитриевна
Фомина*

Жили по гудку. Гудок утром: родители уходили на работу, а мы собирались в школу. Гудок в обед: мама и папа шли обедать. Вечерний гудок: мы шли встречать родителей, чтобы хоть хлеба отщипнуть. Я знаю, что еще до войны папа был военным курсантом и помимо службы играл в струнном оркестре. В Павловской Слободе струнный оркестр играл в сельском парке классические произведения на мандолинах, гитарах, балалайках.

В детстве ребятня очень любила кататься на санках. Машин тогда почти не было, мы съезжали с Пороховой горы почти до самого сельсовета. Катались и на коньках, которые привязывали веревками к валенкам. Лыжи делали из старых деревянных бочек. Ходили через речку на горки повыше, которые назывались «Грачи». Было почетно скатиться с «Грачей» и не упасть.

А вообще почти у каждого ребенка были дома свои дела. Нужно было сходить и натаскать полную бочку воды из колонки, нарвать для кур и поросенка корзину крапивы, из печки вычистить золу, принести в дом дрова из сарая, чтобы родители, придя с работы, затопили ее и приготовили еду. Еще помню, мы с бидонами ходили в керосиновую лавку. С наступлением тепла все дети шли на берег реки рвать только что проклюнувшуюся зелень. Для еды годились горьковатый дикий лук, кислый щавель и желтые цветки горчицы. Это служило хорошей подкормкой после голодной зимы. Любимое угощение – кусок черного хлеба с подсолнечным маслом, посыпанный солью.

Развлечением для детей того времени был паром через реку Истру. Ходили смотреть, как паромщик тянул канат и переправлял людей. Весной, когда заливало в половодье деревянный мост, это была единственная возможность попасть на другой берег. А какие у нас тогда были интересные игры! Прятки, лапта, чижики, штандер. Современные дети не все знают, что это за игры. Очень любили сидеть на крылечке и рассказывать друг другу сказки, особенно страшные. А потом боялись идти домой. Детвора в те годы была веселая, дружная.

В школе у нас были хорошие учителя: директор Николай Федорович Андрееenko, преподаватель русского языка и литературы, математик Николай Трифонович Григорьев, физик Михаил Львович Калинин, учителя английского и немецкого языка Фаина Николаевна Байрашева и Раиса Иосифовна Седельникова, учитель химии Валентина Петровна Павленко. Эти замечательные люди оставили след в наших сердцах и вы-

вели нас на дорогу жизни. Я окончила Павловскую среднюю школу в 1962 году. А поле Красногорского оптико-механического техникума почти сорок лет проработала в тресте газового хозяйства аварийно-диспетчерской службы в Красногорске в должности мастера.

*Любовь Дмитриевна Фомина (Тюхина),
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Подставляли ящик от патронов»

Татьяна Сергеевна Алимбиева, в девичестве Кутепова родилась в августе 1928 года в Павловской Слободе. Отец – Сергей Никифорович – был заместителем командира артиллерийской базы №38 по политработе, мать – Клавдия Семеновна – простая рабочая. Дом Кутеповых находился на месте нынешней площади в центре села. В 1937

*Татьяна Сергеевна
Алимбиева (справа)*

году отца Тани арестовали, но, разобравшись в ситуации, отпустили. Вскоре он умер, оставив жену с пятерыми детьми.

В начале войны Тане было 13 лет, ее детство закончилось в августе 1942 года, когда она начала работать на артиллерийской базе. Невысокого роста девочке трудно было дотянуться до верстака, поэтому рабочие подставляли ей ящик от патронов. У Тани был краси-

вый голос и, чтобы не заснуть на рабочем месте, ее просили петь во время работы. Своими песнями она поднимала дух и стойкость рабочих. Так она и встретила Победу.

Затем окончила вечернюю школу, вышла замуж, вырастила двух дочерей. Всю свою жизнь Татьяна Сергеевна была активисткой. Участвовала в художественной самодеятельности, пела, танцевала. Ее дважды избирали депутатом сельского совета. За трудовую деятельность Татьяну Сергеевну неоднократно награждали, среди наград есть орден Славы и медаль «За долголетний и добросовестный труд».

*Александр Николаевич Гольцев,
методист Павло-Слободского КДК*

«Хлеба выдавали по 300 граммов»

В 1941 году фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Мы жили тогда в городе Орехово-Зуево. Папа, мама, моя сестра, которой было 9 лет, и годовалая я. Папу забрали на фронт, мы остались втроем. Уходя, он говорил, чтобы не тревожились: «Через месяц разобьем фашистов и прогоним их с нашей земли». Но в 1942 году мама получила извещение,

*Любовь Ивановна
Шарова*

что папа умер от смертельной раны и похоронен, но где именно, нам не сообщили. Узнали мы об этом только спустя много лет из Книги Памяти, которая попала к нам в 2000 году: «Дунаев Иван Николаевич, 1908 года рождения, красноармеец 108 танковой бригады. Призван в 1941 году Орехово-Зуевским РВК. Умер от ран 13 июля 1942 года. Похоронен в деревне Савино Мосальского района Калужской области».

Детство в годы войны было трудное. Постоянно хотелось есть, а хлеба выдавали по 300 граммов в день. Чтобы нас прокормить, маме приходилось ездить за продуктами куда-то далеко. И однажды в такой поездке она чуть не погибла: поезд тронулся, она чудом не упала со ступеньки битком набитого людьми вагона. Спасибо солдату, который втянул ее в набравший скорость поезд. Во время другой поездки в город Александров, где маме пришлось делать пересадку, привезли из Ленинграда блокадных детей и женщин, очень худых, изможденных от голода. Одна девочка, приехавшая со своей семьей, рассказала маме ужасную историю о том, что когда дедушка у них умер от голода, они, чтобы не умереть самим, съели его. Это было так страшно и ужасно.

Когда фашисты приблизились к Москве, мы наблюдали за прожекторами, освещавшими небо, чтобы найти вражеский самолет и сбить его. Часто слышали тревогу, от которой было страшно и жутко. Иногда, когда гудела сирена, я говорила про себя «Я бегу, бегу, бегу, а тревога-то за мной». Я очень боялась и всегда старалась спрятаться под стол или под кровать. В послевоенное время, когда стала понимать, что происходит, несмотря на то, что я видела «похоронку» на папу, я не верила, что он погиб, а ждала и думала, что он скоро вернется к нам... Что нам пришлось пережить в годы войны, об этом можно много рассказывать. Мы, дети войны, пережили все тяготы этого времени: голод, холод, болезни, нищету и потери близких, родных. Поэтому мы не хотим, чтобы это все повторилось.

*Любовь Ивановна Шарова,
жительница села Рождествено*

*Воспоминания записала
Александра Тараканова,
ученица 7 класса Рождественской СОШ*

«В доме выбило все стекла»

Елена Сергеевна Маслакова родилась в 1937 году в Павловской Слободе. Папа – Сергей Дмитриевич – в 1941 году ушел на фронт и в том же году погиб. Мама – Ольга Васильевна (в девичестве Живописцева). С началом интенсивных бомбежек села семья Маслаковых вместе с двумя другими семьями спасалась в большом убежище, отрытом у соседей, которые эвакуировались.

Маленькая Лена помнит, как однажды болела скарлатиной и лежала одна дома, старший брат был в школе, мама – на работе в пекарне. Начался налет, все вокруг затряслось, посыпалось с потолка. Можно представить страх испытала больная четырехлетняя девочка. Прибежала с работы мама, завернула в одеяло и отнесла в убежище. К счастью, повезло, и в дом не попало ни одного снаряда, хотя вокруг были разрушения. В доме выбило все стекла, жить в нем было нельзя, переехали в соседскую избу. Во дворе располагалась армейская кухня, готовившая для находившихся в селе военных, дети там иногда подкармливались. После ремонта снова вернулись в свой дом.

В 1945 году Елена пошла в начальную школу (в здании, ранее принадлежавшем ее деду Василию Тимофеевичу Живописцеву), а в пятый класс – в среднюю школу на улице Луначарского. Помнит, как однажды отпустили школьников на каникулы, когда деревянное перекрытие между первым и вторым этажом рухнуло. После ремонта стали учиться в три смены. В 1955 году Елена поступила в Московское техническое училище, после чего стала работать на заводе «Моспри-

*Елена Сергеевна
Маслакова*

бор». Приходилось вставать в пять часов, чтобы с первой «кушкой» успеть к началу смены. Отработав на этом заводе 15 лет, продолжила образование, окончив вечерний техникум радиоаппаратостроения. Затем работала в объединении «Спецмаш», и в 1998 году вышла на пенсию. Вырастила сына, дочь и троих внуков.

*Александр Николаевич Гольцев,
методист Павло-Слободского КДК*

«Поле в крови, усеянное телами»

Я родилась в деревне Тимошкино недалеко от Павловской Слободы в 1927 году. У матери нас было трое детей. Отец ушел на фронт, а жили мы у дедушки, он был лежачим больным. Во

*Нина Васильевна
Лебедянцева*

всей деревне жители начали собирать вещи, продукты и побежали к ивановской роще. А над головой гудели самолеты – летели бомбить Москву! Саму деревню Тимошкино не бомбили, в ней не было военных объектов. Из деревни было видно, как из Лешкова в направлении на Чесноково, где шли страшные бои, летели с ужасающим воем снаряды «Катюш».

Заходили в деревню немецкие разведчики. Однажды я встретила такого лыжника в белом маскхалате, поняла, кто он, и забежала в дом. Другой раз деревенские девочки с парнями поехали на лыжах на чесноковское поле, где накануне прошел бой. Увидев все поле в крови, усеянное телами, девочки в страхе убежали домой. Ребята рассказывали, как они собирали немецкие губные гармошки и плитки шоколада, а некоторые даже срезали валенки, с обувью было плохо.

Дедушкин дом стоял у дороги. Помню, как мимо ехали сибиряки, зашли к нам, отогрелись, попили чай, оставили консервы. Мы в это время с братом и сестрой лежали на печке и из-за занавески выглядывали, как мышки. Бойцы уверяли нас, что отгонят немцев и на обратном пути к нам заедут. С тех пор мы их больше не видели. Может быть, и не все погибли, а возвращались другой дорогой.

До войны в деревне не голодали, у всех была скотина. Кто трудился – тот жил хорошо. Было много земли, раз в неделю

мама ездила в Москву продавать молоко. Когда фашистов отогнали, склад №38 вернулся из эвакуации, и мама устроилась туда на работу. Заготавливали топливо зимой – возили на «волокушах» срубленные в покровском лесу деревья. В мае 1943 года я с трудом устроилась на работу на артиллерийский склад, так как мне еще не исполнилось 16 лет. Работала в подсобном хозяйстве, там задачи были хорошо знакомые: прополка, посадка, заготовка сена. В ноябре 1943 года после продолжительной болезни перевели в цех, где работала сначала протирщицей деталей стрелкового вооружения, затем, в течение пяти лет, – на сборке автоматов и в отделе технического контроля и упаковки автоматов. В оружейном цеху работали много: с восьми утра до восьми вечера, потом отпускали на ужин и с девяти вечера до полуночи на протирке деталей или сборке. Были тогда молодые, после полуночи бежали в парк, где оркестр еще играл, – хотелось успеть станцевать хоть один танец.

Когда война закончилась, было голодно, но тем, кто работал на производстве, еще терпимо. Затем все постепенно стало налаживаться. Вот так жизнь и прошла. И хорошего, и плохого видели много. Но все равно прошлое вспоминается с удовольствием, может, потому что молодые были.

*Нина Васильевна Лебедянцева,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Всегда хотелось сладкого»

Мой дедушка Никита Матвеевич Комолов (1897 года рождения) и бабушка Евдокия Васильевна Комолова (1896 года рождения) – уроженцы деревни Еремеево Звенигородского уезда (ныне Истринского района), обосновались в 1937 году в селе Павловская Слобода. Дедушка получил назначение участковым милиционером от сельского совета, который находился в двухэтажном доме (улица Октябрьская, дом 18). Ему

*Лидия Яковлевна
Осадчая*

предоставили жилплощадь в помещении сельсовета на втором этаже: комната и кухня, а за стеной – кабинет, где он вел прием населения. Дед был очень суровым участковым для местных хулиганов и уважаемым человеком среди мирного населения. Он проработал в этой должности более 25 лет до самого выхода на пенсию в 1961 году. Неоднократно за свой труд удостоивался наград.

В военное время, когда немцы были в Обушкове и Покровском, все силы были брошены на охрану базы №38. Дедушка участвовал в поимке немецких диверсантов и разведчиков в больничном лесу и на Благиной горе. Бабушка в то же время вместе с другими жителями Павловской Слободы рыла окопы в лесу у больницы. В семье у них был единственный сын – Яков Никитович – мой отец, в 1941 году ему исполнилось 17 лет. В декабре 1941 года его призвали на фронт, а два года спустя в бою он получил контузию и ранение левой руки (был задет нерв, рука в ладони не разгибалась). Его комиссовали, после чего папа поступил в институт, получил диплом юриста и в 1948 году по распределению попал в город Мончегорск Мурманской области.

В 1944 году родилась я. Всю свою жизнь я прожила в Павловской Слободе, а в 1963 году вышла замуж и уехала к мужу в Исаково. В селе жила у бабушки с дедом, ходила в ясли, детский сад, далее в школу-семилетку, а потом и в десятилетку. Последний десятый класс оканчивала в новой двухэтажной школе. Воспитывали меня с пяти лет дедушка и бабушка в силу семейных обстоятельств. Много мне рассказывали о тех военных, тяжелых годах. Только став взрослой, я поняла, какая доля выпала на их плечи. Каково было – проводить 17-летнего сына на войну. Из своего детства очень хорошо помню, как хотелось есть, всегда хотелось сладкого, но все жили очень скромно.

Выручали весна и лето, когда я с подругами гуляла в больничном лесу, собирала землянику и травы, которые мы ели: горчичка, дикий лук, «тютюшка», желтая акация. У дома был маленький огородик, десять кур и уже позже, в 1951 году, купили поросенка. А по радио каждый год 1 апреля ждали снижения цен, и это действительно было, израненная страна понемногу восстанавливалась. Дед умер в 1966 году, его похоронили в Павловской Слободе. Бабушка после смерти деда была вынуждена освободить служебную площадь в сельском совете. Ей дали комнату с кухней, террасой и участком земли в учительском доме на улице Ленинская Слободка (не сохранился). Раньше в этой комнате жила семья учителя математики Валентины Васильевны Аваговой. Бабушка скончалась в 1976 году.

*Лидия Яковлевна Осадчая (Комолова),
жительница деревни Исаково*

«Какой хороший, никого не застрелил»

С началом Великой Отечественной войны отец с моими старшими братьями Николаем и Владимиром вырыли в огороде землянку, перекрыли ее яблоневыми стволами, сделали вход, внутри постелили нары. Свои ценные вещи мы замуровали под печкой в доме у соседки, так как у нас не было русской печи. Мне тогда было всего шесть лет. Осенью 1941 года после первого снега ребятня каталась на горке. И тут налетели первые фашистские самолеты. Я был дома, когда вдруг раздался взрыв – разбомбили сельсовет. Как раз там катались на горке мои ровесники. Пострадал Василий Тарасов: ему оторвало ногу. Еще одного мальчишку ранило в спину.

В ночь на 29 ноября 1941 года Рождественно обстреливали. Мы сидели в землянке и скоблили елочные игрушки,

удаляя с шариков звезды, серпы и молоты. Соседка тетя Наташа со своими двумя дочками громко молилась, часто повторяя: «Господи, помилуй... Господи, помилуй...» Ее дочери Валентина и Таисия пискляво повторяли за ней. Мама выглядывала из землянки на улицу, отодвигая одеяло входа, и говорила: «Горит тети Пашин дом, наш цел». Затем, отодвинув автоматом занавеску землянки, к нам вошел немецкий солдат, огляделся, спросил: «Рус солдат?» Все закивали головами: «Нет рус солдат, нет». Он быстро ушел. Мне запомнилось, как Валя и Тася Никоновы тогда сказали: «Какой хороший, никого не застрелил». Утром мы увидели солдат, отбирающих наш провиант – заби-

*Роман Алексеевич Кузнецов
с братьями Юрием и Игорем*

рали печенье, подсолнечное масло. Мама робко сказала: «Это маленьким». «Мы сами маленькие», – ответили они. Это были финны, хорошо знавшие русский язык.

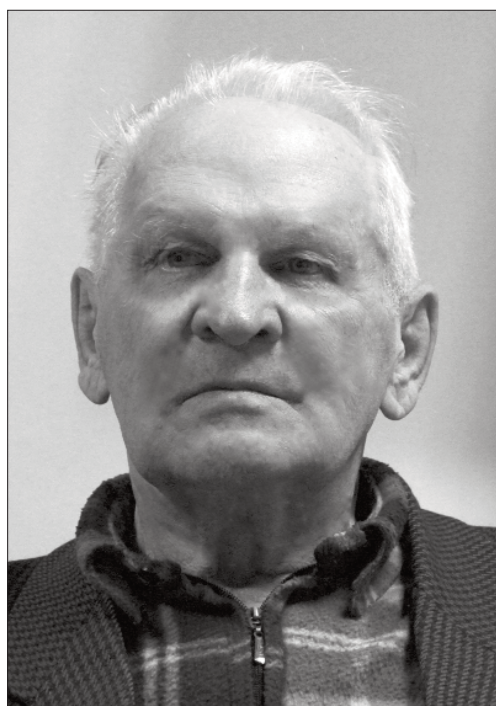
Время было тревожное. В нашем доме поселилось человек десять фашистов. Они нарубили себе огромную бочку капусты, накопили картошки с колхозного огорода, ели за нашим огромным столом, наводили порядок в доме. Исчезли они так же незаметно, как и появились. Через несколько дней моя старшая сестра Валентина прибежала и сказала, что все жители уходят, здесь будет бой, оставаться в селе опасно. Мы двинулись по дороге на запад, встречая везде горящие избы и нескончаемый поток беженцев. Ночевали в незнакомых домах, спали внавалку, но не голодали: варили зерно ржи и из ржавого бидона приправляли его медом. Нас было 15-20 человек. Однажды пришлось остановиться на ночлег в поле у сарая, с которого сорвали всю солому и расстелили ее на земле, вернее на снегу. Накрылись тряпками и той же соломой. За несколько дней дошли пешком почти до Истры.

А когда Рождествено освободили, нас довезли до Снегирей на попутной машине и ранним утром мы вернулись в родное село. От взрыва дом наш пострадал: стена с южной стороны была вдавлена внутрь, окна разбиты. В общем, о проживании в нем не было и речи. Сначала готовились поселиться к соседке тете Дусе Лисачевой, затем пришла мама и повелела перейти к Моряковым, у них была целая половина дома. А затем через село на фронт стали проходить наши войска. Нужно было видеть эти встречи. Солдаты отдавали нам хлеб, сахар, женщины целовали их и кричали: «Бейте их, гадов!»

*Роман Алексеевич Кузнецов,
житель села Рождествено*

«Немцы были разные»

Я родился в 1931 году. Жили мы в деревне, недалеко от города Бобруйска Могилевской области. До войны жили хорошо: свой дом, хозяйство, скотина. Отец работал председателем колхоза. Немцы были у нас уже на третий день после начала войны. Помню, купались на реке, когда один из нас закричал: «Немцы едут!» Испугались тогда сильно, попрятались, у кого мелочь была, даже из карманов высыпали, чтобы не шуметь. Мы с ребятами вернулись в деревню, а там уже фашисты хозяйничали: по домам ходили, продукты забирали. В тот же день сгорела деревенская ветряная мельница. Отец хотел пойти в партизаны, но мы не пустили, зато они сами приходили к нам тайком и давали ему поручения: то бумагу кому передать, то еще что-то. А мы были маленькие. Жили так: мать с утра покормит, и мы на целый день уходили из дома. А то ведь семьями забирали. Лес был в двух километрах от деревни. Мы туда бегали, партизанам носили еду.

*Василий Емельянович
Коваленко*

Была еще по соседству деревня Капустино, в ней много полицаев было. Мы их боялись больше всего. Немцы что глазами видели, то и забирали, а эти обыскивали дома и забирали все. Потом были власовцы, один из них однажды даже на мать с вилами кидался, когда та пыталась его остановить. Немцы были разные. Одни то конфетой угостят, то буханку хлеба дадут, а другие наоборот, приходили и занимали тот дом, который понравился, а семью – на улицу. Днем в деревне были немцы, ночью приходили партизаны. Освободили нас в июне 1944 года, а в апреле этого года мы болели тифом. Отец пы-

тался нас спрятать, но немцы нашли и отвезли в соседнюю деревню вместе с остальной молодежью. Там нас разбили на больных и здоровых. Здоровых забрали в Германию, а нас повезли обратно, вернули домой за две бутылки самогона. Тех, кого забрали в Германию, все выжили, мне потом довелось поговорить с некоторыми. Кому-то повезло, попали в хорошие семьи, работали за еду и жилье, а у кого-то наоборот – кормили плохо, жили в сараях.

В марте 1944 года немцы увезли нас (меня, брата и мать) в лагерь, оставили на улице в ночь, и мы сбежали. По дороге попались власовцам, но повезло, они нас отпустили. Добрались до соседней деревни, где нас приютили в бане. Вышли однажды мы на дорогу, а там советские танки едут, в небе самолеты летят. Мы вернулись в нашу деревню, ее уже освободили. Все плакали от радости. В том же году снова пошел в школу, началась работа колхоза. В деревне было проще с пропитанием, все-таки своя земля была.

Потом я окончил девять классов, пошел в армию. Служил в Бийске Алтайского края. Будучи сержантом, поступил в училище в Тюмени. После его окончания в 1953 году меня распределили в ПВО. Надеялся на увольнение после сдачи экзаменов, но нас сразу же отправили в Москву. А дальше попал в Истру, так тут и остался. Женился, переехал к супруге в Павловскую Слободу. Вот так и жили.

*Василий Емельянович Коваленко,
житель села Павловская Слобода*

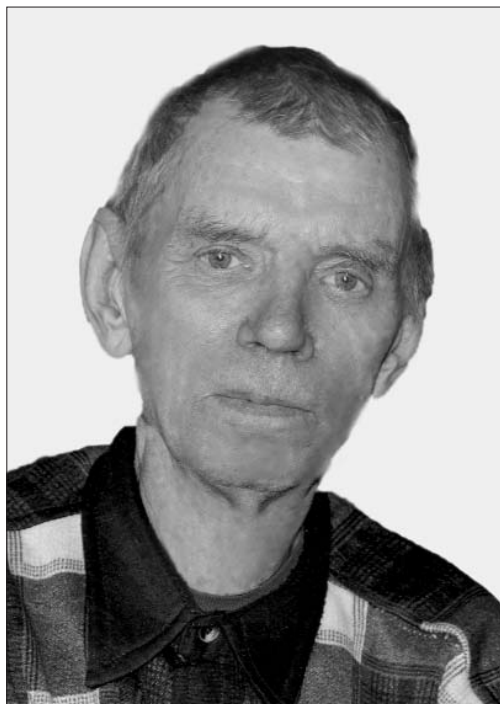
*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Два огненных шара»

Родился я в 1932 году в Павловской Слободе. До войны отец работал на заводе в Красногорске краснодеревщиком. У нас был свой дом, участок в 15 соток, козы. По праздникам, помню, собиралось много родственников. Сидели за большим столом, пели песни. Первый день войны помню так. Было мне 9 лет. Родители послали меня за хлебом, возле булочной я увидел

*Анатолий Михайлович
Чистов*

толпу народа. Все говорили о том, что началась война. Новость эта передавалась из репродуктора. Фронт уже к осени 1941 года был неподалеку, почти в каждом доме в селе жили солдаты. Завод, на котором работал отец, эвакуировали в Новосибирск, он уехал, а мы остались с матерью здесь.

Хорошо помню налеты вражеской авиации на Москву. Была сирена на базе, с горы стреляла зенитная установка. Солдаты заставляли нас прятаться. В один из налетов, видимо, фашистам был дан приказ уничтожить базу в Павлов-

ской Слободе, было сброшено около 500 бомб недалеко от Аносина. А еще мы видели два огненных шара, которые со страшным воем, упали где-то в километре от села. На следующее утро, мы с ребятами нашли в том месте бочки из-под горючего, в которых немцы наделали дырок, чтобы те так ревели. На самом деле, это была действительно страшная психологическая атака. Поздней осенью немцы были в Покровском, нам сказали уходить из дома. Мы с матерью направились в деревню Гореносово, а навстречу со стороны Москвы уже шли подкрепления нашим войскам.

Домой мы вернулись дней через семь, как пришла новость, что фашистов погнали на запад. Дома у нас были солдаты, на-

кормили нас кашей. Осталось в нашем доме жить четыре человека, они должны были охранять минное поле недалеко от села. Так мы и жили до лета следующего года, пока поле минное не сняли. Это была полоса земли километра в полтора. На ней лента бутылок с горючей смесью, далее противотанковые мины, противопехотные и все повторялось снова.

Весной 1942 года в колхозе, который уже восстановили, выделили лошадь, несколько человек взрослых (мы на подхвате). Собирали мы погибших: выкапывали их из-под снега, грузили на сани и отвозили к братскому захоронению, которое теперь у поселка Княжье озеро. В 1990-х годах эту могилу обустроили и поставили памятник со списком погибших. Над обелиском взяла шефство одна из тушинских школ. Помню, как составляли список павших бойцов. Один из солдат собирал документы, переписывал фамилии себе в тетрадь. Список у него был на несколько листов, а на памятнике указаны всего 25 человек.

Вдоль Павловской Слободы был еще один вид заграждения. Мы их называли «тачанки» – зарядные ящики для пушек. Стояли прямо баррикады из них, и все это было заминировано. Мы уже знали, что все взрыватели были электрические. А мины были такие: тол набит в женский чулок. Саперы взрыватели с проводкой сняли, а чулки эти с толом так и остались. Мы снимали их и приспособливали, так сказать, под безопасную взрывчатку – глушили с их помощью рыбу.

И вот однажды весной 1945 года соседка постучала утром в окно и закричала: «Победа!» Я подскочил и помчался по соседям, всем сообщая радостную весть. После войны был голод. В школе я окончил лишь шесть классов, а дальше устроился работать помощником токаря. За это получал продовольственные карточки. А когда их отменили, совсем туго пришлось. Продукты купить было невозможно, денег не хватало. Очередь за хлебом занимали с вечера. Было много бандитов: однажды даже воз с хлебом, который доставляли из Дедовска, ограбили.

В 1949 году меня определили в Красногорское училище. Затем была служба в армии. Мне нравилась радиотехника, слу-

жил радистом. После, вернувшись на завод, попал в лабораторию по автоматизации и механизации производственных процессов, работал электромехаником. Выпускали фотоаппараты «Зоркий». Затем на военной базе в Павловской Слободе открылся цех радиолокации. Там с 1960 года до пенсии я работал регулировщиком радиоэлектронной аппаратуры.

*Анатолий Михайлович Чистов,
житель села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Подруга даже не чувствовала боли»*

Для меня день рождения пионерской организации как продолжение великого праздника Дня Победы. Мы, пионеры 1940-х годов, нашли свое место на войне. Отчетливо помню ноябрь 1941 года. Военную базу, расположенную в Павловской Слободе, где работали мои родные, эвакуировали в город Слободской Кировской области. Нас расселили по частным домам в соседних деревнях. Местные жители делились всем, что у них было.

Прибывшие быстро разворачивали работу на эвакуированной базе, вместе с ними в токарном цехе работали подростки, которым было по 14-15 лет. Помню, как стояла на ящике, чтобы дотянуться до станка, делала патроны. Работали по 12 часов, особенно тяжело было ночью: хотелось спать и есть, глаза слипались, голова клонилась к станку... Однажды, коса моей напарницы Ани выбилась из-под косынки и попала в прямильный станок. Не знаю, каким чудом мне удалось мгновенно выключить рубильник и остановить станок, а то бы не миновали беды. Но часть косы все же оторвало вместе с кожей. Мы так перепугались, что подруга даже не чувствовала боли.

А 25 мая 1942 года, когда фашистов отогнали от Москвы, база вернулась в Павловскую Слободу, и осенью мы начали снова учиться в школе. Наш 7 «А» класс решил организовать тимуровскую команду, капитаном выбрали меня. Дел у нас было много. Однажды вызвал нас председатель сельсовета Яковлев и попросил помочь колхозу: «Весной сеять нужно будет, а удобрений нет. Помогите, ребята, собрать по домам печную золу». И вот мы с ведрами, саночками ездили от дома к дому, выгребали из печек золу. Полторы тонны золы собрали за один день!

*Тамара Сергеевна Терентьева (Тарасова),
жительница города Москва*

---

* По материалам газеты «Советская Россия». – 2014, №17. С. 29.

«Дом был полностью разрушен»

Ираида Федоровна Бубнова родилась в Павловской Слободе в 1932 году. Мама Екатерина Андреевна, имея высшее образование, работала техничкой в школе из-за своего непролетарского происхождения. В течение 27 лет жили в двухэтажном деревянном (Мироновском) доме возле нынешней поликлиники. Во время войны в их избу (находилась недалеко от здания современной почты) попала бомба. Никто не пострадал (ходили к родным в Обушково), но дом был полностью разрушен, начались скитания по углам. Пришлось даже одно время жить в школе, где на несколько семей выделили класс. Папа Ираиды – Федор Алексеевич – получил высшее образование, был грамотным человеком. Работая бухгалтером в сельском потребительском обществе, являлся главным человеком по ведению хозяйства всего села (финансы, снабжение, налоги). Ввиду значимости его работы, он получил бронь, но впоследствии от нее отказался, ушел на фронт и в 1943 году погиб.

Семья не эвакуировалась, во время налетов авиации прятались в подвале церкви. Затем Бубновых забрали родственники в Москву. Зимой 1941-1942 годов женщины ходили на места прошедших боев (в частности, в Славково), топорами рубили замерзшие туши убитых лошадей и на санках возили домой. Мама десятилетней Ираиды даже привозила эти куски конины дочери в Москву, добираясь туда пешком, во время войны паровозы не ходили. После получения среднего образования Ираида Федоровна окончила школу медсестер в Москве и вернулась в Павловскую Слободу. Более 40 лет проработала с больными, дольше всего с детьми. Ее до сих пор вспоминают добрым словом бывшие пациенты.

*Александр Николаевич Гольцев,
методист Павло-Слободского КДК*

«С войны никто не вернулся»

Я родилась в Московской области в Коммунистическом районе (ныне Дмитровский), между Дмитровом и Клином. Пятый ребенок в семье, всего у меня три брата и три сестры. Дед мой в то время зарабатывал тем, что пригонял в Москву скот. После смены власти деда и бабушку репрессировали и сослали, куда неизвестно. Отцу было тогда, наверное, лет двенадцать, они остались вдвоем, вместе с сестрой. Соседи сказали им: «Бегите, за вами скоро придут и отправят в колонию». Большой и богатый дом реквизировали. Отцу удалось остаться в деревне, до 19 лет работал в колхозе, затем женился. Мама была старше его на два года. Братья работали в артели, делали зубные щетки. Старшего брата забрали в армию, тогда в 1939 году началась финская война, но он вернулся живой. Помню, привез в подарок книги в кожаном переплете, где были собраны лучшие командиры того времени. Скопили денег на маленький дом, где и жили впятером. Отец тогда тоже делал щетки, сам покупал кость, украшал по-своему. Я помогала им, ведя учет.

Началась война. Мне было тогда 14 лет, но в деревне я считалась уже взрослой. Старший брат, уходя на фронт, помню, сказал: «В этот раз я уже не вернусь». Второго брата, Василия, отправили служить на флот подводником. В декабре у нас уже были немцы. Они пришли в деревню, стали выгонять местных жителей на улицу. Мать круглые сутки топила для них печь и варила еду. В нашем доме, на счастье, поселился генерал немецкий и переводчик. Жили они у нас около десяти дней. По-

*Валентина Петровна
Павленко*

началу генерал был вежливый, а потом стал постоянно злиться. Мы узнали, что фашистская армия дошла до Дмитрова, а дальше не смогла взять канал имени Москвы. Когда пришел им приказ отступить, они сожгли всю деревню, в том числе и наш дом. Немцы были злые, все девушки прятались по деревне, а меня, слава Богу, не трогали, я маленькой была. Только немцы ушли из деревни, минут через 20 буквально, появились наши солдаты – сибиряки в белых полушубках. Чуть-чуть опоздали, а то могли бы спасти селение.

Дальше помню только тяжелый труд. Вместе с мальчиком моего возраста пахала на лошади землю, а ребята поменьше копали лопатами. До этого рыли траншеи для пулеметов, пилили со старшими лес на блиндажи и накаты. Осенью 1942 года собрали хороший урожай, но каким трудом (в том числе и детским) он нам достался. Лошадей не было, в плуг впрягались люди. Сено косили, кто мог, а мы, дети, зерно таскали к сеялкам. Мешки тяжелые были, а нам даже никто не говорил, что можно вдвоем один мешок нести.

А затем пришла похоронка первая – брат Александр погиб при бомбардировке под Смоленском. Мой дядя сделал запрос на фронт, узнать про сына, моего брата двоюродного Алексея. Оттуда пришел ответ, мол, поплыли на корабле и напоролись на мину – тоже погиб. Позже мы узнали точно, что это была не мина, а немецкая подводная лодка подбила судно. Второй двоюродный брат Виктор пропал без вести, как нам сообщили, сразу после окончания военного училища. С нашей деревни с войны никто не вернулся. Остались из мужчин только старики да маленькие дети.

Еще надо сказать, что немцы в войну тоже были разные. Были и нормальные, как тот переводчик, например, что у нас жил, а были настоящие звери, пропитанные ненавистью и идеями Гитлера. В начале войны голодными они не были, кормили их хорошо, паек у них всегда был, а вот когда отступать начали, тяжело им пришлось. Помню, бежали они, на ноги намотали, что успели из дома стащить, шинельки легкие. В

общем, к зиме они явно не готовы были. Об окончании войны я узнала на уроке, училась тогда в 10 классе. Помню, все радовались, выбегали на улицу.

Ну а после школы все лето готовилась к поступлению в институт. Пошла после долгих раздумий в педагогический. По окончании его попала по распределению в Павловскую Слободу. Здесь и работала в Павловской школе преподавателем химии. Вышла замуж, родила сына и дочь. Сейчас уже и внуки есть.

*Валентина Петровна Павленко,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Росли на улице»

Я родился 9 мая 1945 года. С самого раннего детства испытал трудности военного и тяжелого послевоенного периода. Мы с мамой и моим старшим братом жили в частном доме, мама работала в колхозе. Росли на улице, где и получали основные познания о жизни. Однажды неожиданно заболел старший брат Георг и через два месяца умер, когда ему было всего 13 лет. Мама сильно переживала его смерть, решила продать хозяйство и переехать жить в станицу Зеленокумская Ставропольского края к своей старшей сестре. Там мы купили маленький дом. Вскоре я пошел в первый класс, а мама стала работать в чайной. С работы иногда приносила пряники и конфеты «Подушечки». В магазинах к этому времени появились многие продукты, но купить их на нищенскую зарплату было невозможно.

В 1953 году умер Сталин, многие плакали и говорили, что снова будет война. В 1957 году умерла тетя Лена – старшая сестра матери. Приехала на похороны средняя сестра мамы тетя Лиза и предложила поехать в Абхазию в село Сулево. Так мы очутились в горах, в двадцати километрах от Черного моря. Жизнь стала более сытной. Мама работала в школе, я окончил седьмой класс. Затем мне сняли квартиру на побережье, где я продолжил обучение.

После школы поступил в Тбилисское артиллерийское училище, после которого в 1966 году попал служить в город Ахалкалаки на границе с Турцией. В 1974 году поступил в Пензенское инженерное училище, а в 1977 году оказался на базе вооружения в Павловской Слободе в качестве старшего инженера-конструктора. Далее были должности начальника цеха, начальника технического отдела, заместителя командира по качеству, главного инженера базы. В 1991 году уволился в запас, но остался работать уже как гражданский специалист до августа 2013 года.

*Раймонд Эльмарович Лилесин,
житель села Павловская Слобода*

«Небо было ярко-красное»

Родилась я в 1933 году в Павловской Слободе. Утром мать разбудила и сказала: «Вставай, война началась». В то утро небо было ярко-красное. Выходили к сельскому совету за новостями, а однажды увидели, как горит соседнее село Аносино, потом от-

*Лидия Николаевна
Стрелкова*

туда пошли беженцы. Вскоре и нам пришлось уйти в Москву с санями и котомками. Моя родная мать умерла в 1939 году, а мачеха осенью 1941 года была беременна. Ребенка она родила, когда уже вернулись назад в Павловскую Слободу.

В 1954 году у меня родилась дочь. Я с 1950 года работала в Москве, а с дочерью приходилось сидеть мачехе. Когда в 1957 году она умерла от болезни, я уволилась и вернулась в Павловскую Слободу, с ребенком некому было оставаться. А вообще за годы работы я получила звание «Ветеран

труда». Сначала 10 лет утром и после школы ходила с матерью на работу в колхоз, чтобы ей больше трудодней начислили. Молотили зерно, сажали капусту. Помню, говорила мне мать: «Ты долго не гуляй, в четыре часа вставать». Затем семь лет работала в Москве, а с 1957 по 1988 год – на кожгалантерейной фабрике в Обушкове (делали ученические портфели). Еще десять лет работала в Павловской больнице, затем ушла на пенсию.

*Лидия Николаевна Стрелкова,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Раздалась пулеметная очередь»

Когда началась война, Юрию Александровичу Татищеву было всего 5 лет. Жили в Павловской Слободе в доме, который построил его дед в 1905 году. После многих перестроек в нем живут и сегодня. Не многое запомнилось с тех далеких времен. Отдельные моменты всплывают в памяти.

*Юрий Александрович
Татищев*

Косили однажды с отцом траву на поляне возле больничного леса, Юра бегал возле отца. Вдруг в небе появился самолет. Раздалась пулеметная очередь. Отец сгреб ребенка в охапку и повалил на землю. Так маленький Юра начал понемногу понимать, что такое война: укрытия от налетов, землянки в огороде. От бомбежек авиации скрывались в большой землянке, отрытой у соседей Садовниковых. Во время одного из налетов выскочили ребята из землянки и увидели незабываемое зрелище – в темном небе пересекались два ярких луча. Это два

прожектора поймали вражеский самолет, но, к сожалению, несмотря на сильный огонь зениток, так его и не сбили – слишком высоко летел.

Отец и мать работали на артиллерийской базе, поэтому поехали всей семьей в поселок Вахруши (осенью 1941 года туда эвакуировали базу №38). Разместились у чужих людей по углам, Юра ходил в детский сад. В семь лет не стали отдавать в школу, поскольку в саду был присмотр и питание лучше. Отучившись в школе в Вахрушах всего неделю, в 1943 году вернулись в Павловскую Слободу. В мае 1945 года в шесть часов вечера из черной тарелки репродуктора Левитан громко объявил, что война закончилась. Все соседи танцевали, пели.

Учился хорошо, окончил десятилетку, затем университет имени Баумана. Сначала работал в военном научно-исследовательском институте министерства оборонной промышленности, затем (с 1974 по конец 1991 года) в военно-промышленном комплексе. Проработал до пенсии заместителем начальника главка в министерстве промышленности.

*Александр Николаевич Гольцев,
методист Павло-Слободского КДК*

«Спасались в окопах»

Я родилась в 1928 году. Родители – Алексей Осипович и Анна Сергеевна Жидковы. До войны жили в деревне Красновидово у сестры матери, потом на съемной квартире. От суконно-шерстяной Октябрьской фабрики затем получили небольшую квартиру. Началась война. Отца (очень хорошего сапожника), хоть он и был болен, забрали в армию. После примерно полутора лет его комиссовали домой.

С приходом немцев мы спасались в окопах. Нас было много, помню, только детей около 20 человек. Дома наши затем сожгли, нас погнали в соседнюю деревню. Приютили в одном из домов, накормили, напоили, дали переночевать. Но снова пришли немцы, и из деревни пришлось уйти. Несколько ночей ночевали под открытым небом, пока не добрались до ивановского леса. Там встретили других беженцев. Переждали с ними вместе дни оккупации и вернулись в Красновидово. Вся деревня была сожжена, квартира наша тоже сгорела. На полевой кухне добрались до Павловской Слободы. А оттуда вместе с дедом – до деревни Тимошкино. В это время как раз вернулся отец, но как только ему стало лучше со здоровьем, его снова забрали на фронт.

В Тимошкине мы прожили до 1949 года, затем я вышла замуж и переехала в Павловскую Слободу. Работала на военной базе, сначала ученицей по ремонту ППШ, затем перевели в разнорабочие. Проработала 19 лет, ушла в больницу МПС. С большим трудом удалось выбить 9 квадратных метров жилья в бараке, потом дали небольшой старый дом. Еще позже

*Антонина Алексеевна
Лагуткина*

построили барак, в котором нашей семье из шестерых человек выделили 21 квадратный метр. Прожили мы в нем долгих 28 лет, пока он не стал разваливаться. Я была выбрана старшей по бараку, мне удалось добиться получения квартир для жильцов. А война мне снилась на протяжении тридцати лет. Очень было страшно тогда. Сейчас мне уже 86 лет, у меня трое детей, шесть внуков и одиннадцать правнуков.

*Антонина Алексеевна Лагуткина,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Под угрозой расстрела»

Мой дед – Александр Васильевич Мамаев – родился 4 февраля 1927 года в городе Нижнеудинск Тулунского округа Сибирского края (ныне Иркутская область). Отец – Василий Иванович, мать – Надежда Ильинична. Отец с матерью около 1935 года, когда в Нижнеудинске начались массовые репрессии, были сосланы на север, за полярный круг, в город Игарка. С 1930 года город был тем самым местом, куда ссылали крестьян из южных районов Сибири. Дети же Василия Ивановича и Надежды Ильиничны (в том числе и 8-летний Александр) остались в Нижнеудинске с бабушкой Матреной Федоровной Левченко.

*Александр Васильевич Мамаев (слева)
и Сергей Васильевич Ковров. 1944 год*

Василия Ивановича в 1941 году в ходе всеобщей мобилизации призвали в армию. Служил он ездовым (кучером при воинской повозке) в 382-й стрелковой дивизии, которая в 1942-1943 годах вела бои под Ленинградом. По воспоминаниям, мой прадед погиб 27 марта 1943 года на Дороге жизни: вместе с гужевой повозкой ушел под лед. Его имя занесено в списки на Мемориал Славы защитников Отечества в городе Игарка и в Книгу памяти Красноярского края.

С началом войны 14-летний Александр устроился работать водовозом на местный хлебозавод в Нижнеудинске. Под угрозой расстрела он выносил с завода хлеб, спасая от голода свою семью и семью своего лучшего друга Сергея Коврова. В 1944 году Александр и этот же друг Сергей пошли служить в армию. Их направили в школу младшего начальствующего состава, а после обучения – на Дальний Восток. Служить приходилось в условиях ужасного голода. Доходило до того, что кусок хлеба делили на нескольких человек, горбушка же доставалась всем по очереди. Обязанностью Александра был отстрел диких животных (в частности, лосей и изюбрей) для части, потому как стрелял он с детства очень хорошо.

*Александр Васильевич
Мамаев*

В конце 1944 года в часть приехал вербовщик, набирал добровольцев для борьбы с бандеровцами на территории Западной Украины. Александр и Сергей отправились туда. Ехали через всю страну на поезде, которых прозвали между собой «Пятисотый веселый»: он стоял по несколько дней на каждой станции, пропуская составы, идущие на фронт. К месту службы прибыли лишь через три месяца, в начале 1945 года. Служить пришлось в районе городов Ужгород и Чоп в пограничных войсках НКВД. Окончив службу, в 1951 году дед с другом приехали в поселок Снегири Истринского района, устроились на кирпичный завод: дед – сантехником, а друг – спортивным инструктором. В том же 1951 году Александр Васильевич женился на Валентине Игнатьевне Бусуриной и стал жить с ее родителями в Снегирях.

В 1952 году у них родился первый сын Александр (Сергей Васильевич Ковров стал его крестным отцом), в 1955 году – Юрий (мой отец), в 1960 – Валерий. Жили бедно, но посте-

*Александр Васильевич
Мамаев с сыновьями
Юрием и Валерием. 1970 год*

пенно уровень жизни улучшался. Семье помогал и тот самый друг, который отдавал, например, подросткам сына Александра Васильевича спортивные кеды, а зимой – лыжи. Осенью 1974 года семья Мамаевых получила квартиру в новом пятиэтажном доме и переехала жить в Рождествено. Своего деда я не застал. Он умер 3 декабря 1985 года от сердечной недостаточности.

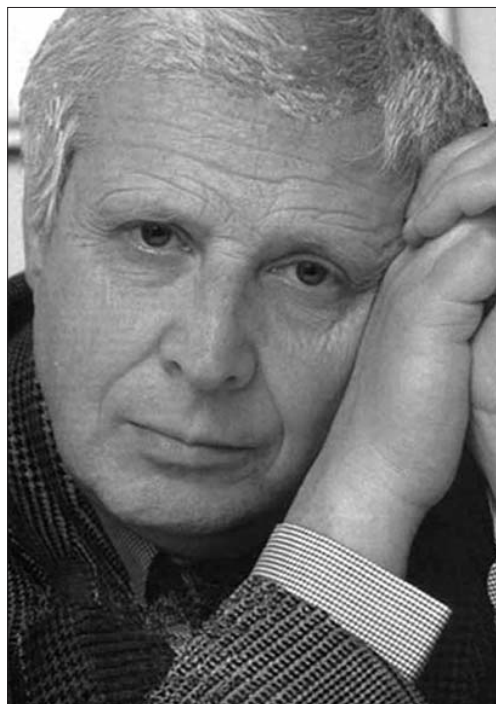
*Сергей Юрьевич Мамаев,
руководитель музея «Усадьба Рождествено»*

«Даже если судьба закрывает перед нами дверь...»

Когда началась война, я окончил второй класс, нас с мамой отправили в эвакуацию. Ехать туда я не хотел, предпочел бы остаться в Москве, чтобы лицом к лицу встретить проклятого врага, если он осмелится приблизиться к столице. Годы спустя оказалось, что невыезд в эвакуацию рассматривался властью как первый этап предательства – мол, ждали немцев, чтобы перейти на их сторону. А уж тем, кто попадал в оккупацию, было вовсе плохо: в анкетах той поры был на эту тему специальный пункт, категорически мешавший любой жизненной карьере. Не Сталин, за три месяца подпустивший немцев к Москве, был виноват, а миллионы советских людей, оставшихся на захваченной территории потому, что не имели ни сил, ни денег, ни транспорта, чтобы добраться до Урала или Сибири.

Третий класс я начал в Новосибирске, а закончил в Томске, куда эвакуировали из Москвы часть Первого подшипникового завода (со всеми «бронированными», включая отца) и куда мы переехали с мамой. В Томске я окончил третий, четвертый и пятый. Наша школа была бревенчатая, одноэтажная, и называлась Сорок третьей железнодорожной – рядом была станция Томск-2, и зимой нас выводили на пути чистить снег, которого в Сибири всегда хватало. Эвакуация запомнилась мне и купаниями в узкой, но достаточно быстрой реке Ушайке, и лютыми морозами, и страшным голодом. Этот голод я испытал после болезни, от которой чудом не умер: брюшной тиф, осложненный воспалением легких.

*Леонид Аронович
Жуховицкий*

Заболел я зимой. Участковая врачиха поставила диагноз. Естественно, родителям этот диагноз не понравился, они как-то сумели пригласить профессора, который нашел у меня грипп. Поверили профессору. Помню, однажды ко мне зашел приятель с нижнего этажа, по прозвищу «Чичик». И вдруг меня начало трясти. Я не испугался, потому, что боли не было. Ну, трясет и трясет. Пришел на обед отец, дал мне градусник. Через десять минут вынул, посмотрел на шкалу – и, схватившись за голову, вскрикнул: «Сорок один и два!» Тут вошла мама – тоже пришла на обед. Отец бросился к ней с той же фразой. Мама закричала на отца: «Зачем ты сказал ему?!» А я не понимал, почему необычную цифру надо скрывать от меня: ведь такой шикарной температуры никогда не было ни у кого из моих друзей!

Дальнейшие воспоминания о болезни отрывочны – видимо, от высокой температуры я время от времени надолго терял сознание. Помню вот что. Зима, снег, меня везут в больницу на санях – такая во время войны в Томске была «скорая помощь». Больница состояла из нескольких деревянных одноэтажных строений, называлась она – «Имени Сибирцева», а сам Сибирцев был директором больницы. Видел я его раз или два, но запомнил хорошо: высокий стройный старик с красивой седой бородой. Он был знаменитым в городе врачом, а тогда знаменитостей увековечивали при жизни, правда, лишь по месту жительства. Лишь вполне живая партийная верхушка имела свои колхозы, заводы, улицы, а то и целые города по всей стране. К примеру, Пермь называли Молотовым, Тверь Калинином – и так далее.

Еще помню, как меня опять же зимой на носилках или на каталке перетаскивали из одного корпуса в другой. Дальше началось выздоровление, и его я запомнил хорошо. Спустя время, мама рассказала мне, почему я не умер. Когда к моему тифу прибавилось воспаление легких, маме сказали, что мне осталось день-два, и спасти меня может только сульфидин – тогда это было новое редкое лекарство, им как раз и лечили

легочные заболевания. В больнице его не было, про аптеки и говорить нечего. Мама бросилась в город, надеясь найти дефицитное снабдь в госпитале, но там ей отказали. Потеряв надежду, она в слезах шла по улице, ее остановил знакомый еще по Киеву врач. Он и добыл ей полтора грамма сульфидина, благодаря чему моя смерть отодвинулась на полтора дня. А потом какой-то другой добрый человек достал для нее, вернее, для меня, еще два-три грамма. Этого было мало, чтобы выздороветь, но достаточно, чтобы выжить.

Болея я около двух месяцев. Когда меня, наконец, выписали, и мама приехала за мной, меня из палаты в коридор вывели две сестры. Я на радостях хотел побежать к маме, но свалился на втором шагу. Потом долго учился ходить. А отощал так, что образное выражение «кожа да кости» подходило ко мне буквально. После брюшного тифа следует быть предельно осторожным в питании: манная каша, белые сухари, в крайнем случае, картофельное пюре. Ничего этого, естественно, не было. Я лежал в кровати, не ощущая ничего, кроме зверского голода. Как-то вечером родители ужинали – ели оладьи из картофельных очисток. Так я, глядя на эти паршивые оладьи, заплакал от голода. А дать мне такую оладью было нельзя – вполне мог умереть от заворота кишок.

При всем этом в эвакуации было и много хорошего – друзья, лыжи (их надевали прямо на валенки), книги, которые мы с ребятами постоянно давали друг другу читать. Страшный быт тогда казался мне вполне нормальным, процесс борьбы за жизнь был экстремальным, а потому увлекательным. Не было тетрадок и, вообще, бумаги – в школе мы писали на старых газетах. Практически постоянно отключали электричество – ну и что, я уйму книг прочитал при коптилке: так называлась жестянка с касторкой, из которой торчал фитилек. Деньги не стоили ничего, процветала меновая торговля. Отец, к счастью, был непьющим, и водку, которая полагалась по карточкам, мы меняли на молоко или масло. Мой подростковый велосипед, который мы привезли из

Москвы, на «толкучке» поменяли на восемь ведер картошки, самовар тоже сменяли на картошку.

Как-то в редкий выходной папа с двумя приятелями съездил и набрал большой мешок кедровых шишек. Они здорово выручили нас зимой: кедровые орехи и вкусны, и очень питательны. Воду мы с ребятами таскали в ведрах с водокачки. Естественно, «стыкались», то есть дрались возле школы или во дворе, выясняя, кто сильнее, а, значит, главный. После тифа я силой не обладал, и, чтобы занимать хоть скромное место в ребячьей иерархии, приходилось быть умным. Впоследствии это, надо сказать, пригодилось. Так что я лишний раз убедился в правоте пословицы, которую на треть перевел с азербайджанского, а на две трети придумал: «Даже если судьба закрывает перед нами дверь, она оставляет форточку». До сих пор стараюсь не забывать ходовое выражение: «Не гневи судьбу!» И никому не завидуй. У множества людей удел куда хуже – а ты ничем не достойней их.

*Леонид Аронович Жуховицкий
российский писатель, публицист, драматург*

Дети военного времени

Обожгло нас пламенем войны,
Годы в лихолетье пролетели,
Трудности России, всей страны
Нас, как острой пулею, задели.

Ситцевое платье на плечах,
Худенькие все, под мышкой – книжки,
На токарных, фрезерных станках
Наши упражняются мальчишки.

В бантах косы, на груди – косынки,
И кудряшки с челкой озорной.
Чистим парусинные ботинки
Белым мелом щеточкой зубной.

Вяжем рукавицы и носки,
И кладем записочки в кисеты:
«Моего письма, солдатик, жди,
Все передают тебе приветы!»

Бей врага, с победой возвратись,
Ждет тебя подруга дорогая,
А с победой снова станет жизнь
В радости и счастье, трудовая!»

Посмотрите бабушкам в глаза –
Все они когда-то были дети,
Дедушки – те прожили не зря:
Защитили мир на всей планете.

Камилла Кудрявцева

СОДЕРЖАНИЕ

В пилотке мальчик босоногий... <i>А. Твардовский</i>	. . .	3
Когда оживают старые фотографии <i>О. Н. Маркусь</i>	. . .	4
«Новогодние пироги с морковью» <i>С. Ю. Мамаев</i>	. . .	6
«Дети войны – деды мира» <i>А. В. Бармин</i>	. . . .	8
Мы – дети войны <i>А. Павленко</i>	. . . . .	13
«Мы дважды попадали в оккупацию» <i>З. И. Созанская</i>	. . .	14
«Появилась мечта – стать военным» <i>А. Н. Гольцев</i>	. . .	17
«Это была страшная война» <i>А. Гуренкова</i>	. . .	19
«Меня в чемодане несли в землянку» <i>В. А. Занозина</i>	. . .	20
«Обнаружили раненого партизана» <i>Н. Колчин</i>	. . .	22
«Приходилось трудиться от зари до зари» <i>А. Н. Гольцев</i>	. . .	24

«Здесь, в тылу, можно и потерпеть»	27
<i>Р. С. Чикин</i>	
«Из самолетов расстреливали людей»	32
<i>Ю. И. Степанова</i>	
«Мы не знали, что такое игрушки»	34
<i>Н. А. Леягина</i>	
О войне	37
<i>Н. Самохвалова</i>	
«Бегали по ночам в бомбоубежище»	38
<i>А. Н. Гольцев</i>	
«Война и голод не щадили никого»	40
<i>Н. Мернов</i>	
«Упал и не смог идти дальше»	42
<i>Г. И. Круглова</i>	
«Огуречный вкус камыша»	44
<i>В. Ф. Кашлев</i>	
«Бомбы летят!»	48
<i>Р. Н. Постнова</i>	
«Слышались крики и стоны из-под земли»	51
<i>В. Ф. Смирнова</i>	
«Семьи репрессированных не эвакуировали»	54
<i>А. Н. Гольцев</i>	
«Подожгли и отпилили кусок мяса»	56
<i>В. П. Грачева</i>	

«Приходилось тащить на себе и плуг, и борону» .	58
<i>В. Ф. Макурина</i>	
«Решил стать офицером»	60
<i>И. С. Калинин</i>	
«Я завидовала другим детям»	63
<i>Г. Т. Калинин</i>	
«А если бы он не промахнулся?!»	64
<i>В. Б. Маслова</i>	
«Огонек в избе – к гибели»	68
<i>А. Н. Гольцев</i>	
Война прошла, а боль осталась	71
<i>А. Павленко</i>	
«Мама так и лежала, запорошенная снегом» .	72
<i>В. Г. Сысолятина</i>	
«Нельзя солдату наедаться»	74
<i>А. Н. Гольцев</i>	
«Пятилетние дети считались взрослыми» . .	76
<i>Л. Д. Свистунова</i>	
«На санках в железном корыте»	79
<i>З. И. Мельникова</i>	
«Четыре кусочка сахара»	80
<i>В. А. Чернова</i>	
«Любимое угощение – кусок черного хлеба» .	82
<i>Л. Д. Фомина</i>	

«Подставляли ящик от патронов» <i>А. Н. Гольцев</i>	. . .	85
«Хлеба выдавали по 300 граммов» <i>Л. И. Шарова</i>	. . .	86
«В доме выбило все стекла» <i>А. Н. Гольцев</i>	. . .	88
«Поле в крови, усеянное телами» <i>Н. В. Лебедянцева</i>	. . .	90
«Всегда хотелось сладкого» <i>Л. Я. Осадчая</i>	. . .	92
«Какой хороший, никого не застрелил» <i>Р. А. Кузнецов</i>	. . .	94
«Немцы были разные» <i>В. Е. Коваленко</i>	. . .	96
«Два огненных шара» <i>А. М. Чистов</i>	. . .	98
«Подруга даже не чувствовала боли» <i>Т. С. Терентьева</i>	. . .	101
«Дом был полностью разрушен» <i>А. Н. Гольцев</i>	. . .	102
«С войны никто не вернулся» <i>В. П. Павленко</i>	. . .	103
«Росли на улице» <i>Р. Э. Лилесин</i>	. . .	106

«Небо было ярко-красное»	107
<i>Л. Н. Стрелкова</i>	
«Раздалась пулеметная очередь»	108
<i>А. Н. Гольцев</i>	
«Спасались в окопах»	110
<i>А. А. Лагуткина</i>	
«Под угрозой расстрела»	112
<i>С. Ю. Мамаев</i>	
«Даже если судьба закрывает перед нами дверь...»	115
<i>Л. А. Жуховицкий</i>	
Дети военного времени	119
<i>К. Кудрявцева</i>	

